

ББК 84(2=411.2)6-45
К60

Коледнева Н.

К60 Нутэпэнмын. На краю земли : рассказы / Нина Коледнева (подлин. имя автора Нина Васильевна Беломестнова). – Магадан : Охотник, 2018. – 100 с.

ISBN 978-5-906641-42-7

«В окружающей тайге правят Духи, а медведь – не только хозяин лесных угодий, но и прародитель оленных людей. Во всяком случае, коренные северяне верят в это...»

Автор из Забайкалья Нина Коледнева профессионально занимается журналистикой и социальной антропологией. Более 30 лет посвятила изучению верований, традиций, обычаев, мифотворчества коренного народа Забайкалья – эвенков. Все это вылилось в написание серии книг, в том числе и нынешнего сборника. За этот цикл рассказов Нина Коледнева стала одним из призеров престижного Международного конкурса имени Юрия Рытхэу.

Для широкого круга читателей.

ББК 84(2=411.2)6-45

ISBN 978-5-906641-42-7

© Беломестнова Н. В., 2018
© Музейный центр «Наследие Чукотки», 2018
© Издательство «Охотник», 2018

Музейный центр «Наследие Чукотки»

Нина Коледнева

НУТЭПЭНМЫН НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Магадан
Издательство «Охотник»
2018

О себе

Я родилась на севере Читинской области (с 2008 г. – Забайкальский край) в семье врачей. В 1973 г. окончила Томский Государственный университет, по образованию историк. Профессионально занимаюсь журналистикой и социальной антропологией. Более тридцати лет посвятила изучению верований, традиций, обычаев, мифотворчества эвенков Забайкалья.

К теме «Народы Севера» вплотную приступила лишь исколесив мир, пожив на Аляске бок о бок с эскимосами, а в Южной Америке – с индейцами. Старалась в свои отпуска попасть на север Забайкальского края, или Бурятии, погостить у оленеводов, а при сплаве по Витиму делать остановки в стойбищах ороchon или в шалашах охотников. Так мои знания по антропологии обрастали плотью, а в журналистских зарисовках и литературных очерках, эссе начинала пульсировать кровь, то есть появлялась настоящая жизнь.

Мои «эвенкийские сказки» и, на первый взгляд, фантастические новеллы навеяны воспоминаниями детства. На моей малой родине, в эвенкийском селении Тунгокочен, и в окружающей тайге правят Духи, а медведь – не только хозяин лесных угодий, но и

прародитель оленных людей. Во всяком случае, коренные северяне верят в это...

Себя считаю северяжкой. Вместе с детьми ороchon, иначе оленных людей, была участницей «северных забав» – беге с камнями, привязанными к икрам ног, прыжках через препятствия или нарты, и даже драк с кольями, на самом деле, демонстрации ловкости и увертливости... Позже ночи напролет водила вместе с друзьями-орочонами осору*, эвенкийский хоровод, или «круг жизни». Слушала фантастические сказания старцев-эвенков, в которых звери не только могли говорить на человеческом языке, но делились с людьми своими знаниями, силой.

А шаманские церемонии? Это прорыв в иную реальность, в иные миры...

В своих произведениях стараюсь перенести читателя на сакральные площадки, чтобы он увидел происходящее там моими глазами. Показать жизнь на стыке цивилизаций, древней – почти первобытной, и современной, техногенной, зачастую убивающей и природу, и человеческую душу.

*Осора – танец, когда эвенки, взявшись за плечи, водят хоровод вокруг костра; танец символизирует непрерывный круг жизни.

Встреча с шатамаром*

Увачан умел изгонять болезнь. Как он это делал? Духи ему помогли, не иначе. Агаяна помнит, как шамана позвали на стойбище, когда она рожала сынишку. Мальчик родился слабеньким, желтушным. Даже не пищал, так слаб был.

– Це-це-це! – цокали языками старики. – Не жилец, однако.

Увачан попросил у Агаяны связку оленьих сухожилий – каждая хозяйка чума держит их в запасе для шитья омчур, чулок из оленьей кожи. Попробую отстоять твоего первенца, сказал матери.

Протянул несколько жил через мочку своего уха. Вначале нити мгновенно рвались. Но шаман гневно разговаривал с кем-то невидимым. Плевался. Махал руками, гнал таинственного собеседника прочь. И вот диво: нити стали проходить через мочку уха до середины и уж только потом рваться.

– Но! Теперь уходи, – пихнул кого-то незримого Увачан.

– Поживет твой парень лет до тридцати, однако, – сказал, довольный исходом борьбы. – Больше Харги, злой дух, не отпускает ему срока.

Как в воду глядел. Сын Агаяны переселился в край Печального Заката, когда отшагал половину своей тропы в Срединном мире, – в тридцать лет. Но Увачан об этом уже не узнал.

На реке Калар в 1929 году открыли прииск по добыче золота. Золотые слитки, что выносила на берег река, орочны** показали советским начальникам. И вскоре безлюдный таежный край наводнили толпы золотодобытчиков. Кроме драгоценного металла им всем нужно было мясо. Много мяса! Но где взять? Звероловов среди

*Шатамар (эвенк.) – медведь-шестилетка.

**Орочны (эвенк.) – оленные люди (орон – олень).

искателей форта не было. Буренок в здешних краях не разведешь: на топях и марях сена не накопишь – чем скотину в зимнее время кормить? Пришлые люди долго головы не ломали. Мясa, что бегаёт на своих ногах, вдосталь у эвенков: они держат домашних оленей.

Рудничное начальство призвало ороchon, оленных людей иначе, обобществить свои стада. В селении Средний Калар освободили одну избу, стол в жилой части поставили, начальников за него посадили. Сказали оленьим пастухам: колхоз будет. Как поспоришь? На руднике есть охранники, у них ружья.

Увачан не согласился:

– Ороchon в общее стадо сгонять нельзя. Общие – ничьи, выходит?

Ороchonы к своему шаману прислушались, отогнали животных на дальние стоянки. С пастухами откочевал и Увачан.

Тогда новые начальники на строптивного кама охоту открыли. Сказали:

– Кто покажет, где шаман скрывается, тому ружье новое в подарок будет.

Молодой парень, помощник Увачана, польстился, указал охранникам на кама пальцем. Шамана увезли. Куда? Следы в трясине терялись.

Больше олени пастухи не видели своего вожака и целителя в Дэлин Буга, Срединном мире. Втайне все же надеялись: Увачан не погиб. Перевоплотился в медведя и бродит по тайге – ждёт заветного часа. Но шел год-другой... Великий кам не объявлялся. Правда, последние события заставили вновь заговорить об исчезнувшем шамане.

Молодая эвенкийка третьи сутки не могла родить. Роды у женщины принимала старая повитуха. Старуха подвесила женщину на раскинутых руках на специально сооруженную изгородь, заставляла тужиться.

Воды давно отошли. У роженицы начался жар, она словно горела в огне, с каждым часом теряла силы.

– Готовьтесь, – предупредила сородичей повитуха. – Тангара, дух здешних гор, к себе хочет забрать молодайку.

О тяжелых родах по рации в райцентр сообщил бригадир оленеводческой бригады Унгковьль. Услышал в ответ:

– Чего тянешь? Вези роженицу в районную больницу. Иначе из-за своей темноты и невежества потеряешь и жену, и ребенка.

– Решайся, я с тобой, – чуть слышно прошептала Агаяна своему последышу. Непросто дались ей эти слова, против веками сложившегося уклада шла.

В эвенкийском стойбище начался ропот недовольства. Вперед выступили старцы:

– Не нам судить, кому жить, кому в страну Заката путь держать. Тангара лучше знает.

Унгковьль оттолкнул стариков, ворвался в запретный для мужчин чистый чум. Собрал пожитки роженицы, усадил ее на нарты. И погнал упряжку ездовых оленей в сторону Тунгокочена: там построили больницу, из большого города в село на самолете прилетела докторша.

Старики не успокоились. Подняли стойбище на ноги. Собрали всех мужчин, и те, прихватив ружья, кинулись вдогонку за беглецами. Нельзя молодой докторице доверить роженицу: уморит и ее, и ребенка... Пришлая на севере медичка колет руку пациентам иглой и забирает у них кровь. А вместе с кровью и жизненную силу вытягивает! – были уверены эвенки. Мало того, докторша втыкает в жилу (вену. – Авт.) шприц и вливает туда какую-то жидкость. Меняет сущность у человека! Но с иной кровью – уже не истинный ороchon, чужак. Безглазые духи не признают его по запаху, не станут помогать.

Унгковьль опередил преследователей на час. Примчался в поселок за полночь. Валентину, врача, подняли с постели. В больничной палате зажгли несколько керосиновых ламп, роженицу положили на стол, покрытый чистой простыней. Молодая докторша осмотрела женщину: до утра не дотянет, слишком много крови потеряла. Так что на санавиацию рассчитывать бессмысленно – самой надо действовать.

Младенец шел ножками. Опытный-то акушер не всегда в такой ситуации справится, а тут весь багаж знаний умещался на одной страничке вузовского учебника, где автор текста советовал: «...плод необходимо повернуть». Легко написать! Как такое сделать?

Курс подготовки будущих врачей в омском мединституте, где училась Валентина, в связи с начавшейся в сорок первом году войной, был ускоренным. Акушерство и гинекологию выкинули. Решили, что когда гремят орудия и землю давят гусеницы вражеских танков, женщинам не до родов. Если бы! Жизнь-то никто не отменял... Орочны в северной тайге жили по своим привычным ритмам. Пасли оленей, в зимнее время охотились. Разве производственное задание на сдачу пушнины увеличилось. Но это не мешало создавать новые семьи, рожать детей.

Валентина и весь больничный медперсонал боролись за жизнь роженицы уже третий час. Вкололи юной эвенкийке сердечные средства. Одна из медсестер легла на соседний стол для прямого переливания крови... Валентина ввела руку в шейку матки роженицы, глубже... глубже. Нащупала ручку младенца и повернула плод во чреве матери.

«Кажется, ничего не сломала!» – пронеслось в голове. Она не слышала выстрела за окном. Не слышала, как пуля с визгом впилась в оконный косяк.

За стенами больницы собралась хмурая толпа преследователей. Один из таежников выстрелил в окно операционной. Целился в докторшу. Но пастух Иглэнчин успел подскочить к нему и толкнуть в сторону дуло ружья. А потом заслонил своим телом проем окна:

– В меня стреляй! Не слышал разве? Докторицу сам шатамар признал! Однако, силу свою ей отдал.

Тут надо вернуться на пару месяцев назад – в осенний августовский день и к встрече с медведем, о которой Валентина вскоре забыла. Но не эвенки.

Молодой докторше пришлось отправиться в командировку на эвенкийское стойбище – там, судя из сообщения по радиации, вспыхнула дизентерия.

В поездке верхом на лошадях ее сопровождали несколько мужчин-охотников. Путь в один конец занимал пять суток. На привале мужчины занялись костром, поставили на огонь чайник. А Валентина лазила по кустам в поисках дикой малины. «Ты это, Ва-

люха, далеко-то не убегай!» – на всякий случай предупредили ее попутчики. Но какое там! Увлечшись, переходила от одного заростельника к другому. Набрела на рясный куст, стала уплетать дикую малину. Раздвинула ветки и неожиданно столкнулась с другим любителем ягод. Громадный медведь, встав на задние лапы, тоже лакомился ягодой с куста. Пахнуло жаром из его пасти. В упор на нее уставились маленькие глазки с красными белками. В них не было угрозы, скорее, оторопь от неожиданной встречи с человеком. Несколько секунд они смотрели друг на друга, а затем хищник попятился, грузно упал на четыре лапы и ломанулся прочь через густые поросли малины и валежины, не выбирая пути.

Валентина, только тут выйдя из оцепенения, закричала в испуге. На крик прибежали ее спутники, успев прихватить ружья. Но уже не застали на месте шатамара, медведя-шестилетку, лишь слышался треск ломаемых им на бегу сучьев.

– Счастливая ты, девка, однако! – буркнул эвенк Иглэнчин. – Чернолицый старик* тебе тропу уступил.

После той поездки Валентина заметила, что отношение таежных кочевников к ней изменилось. Все ее поручения теперь выполнялись безропотно. Оленьи пастухи не спорили, даже когда по указке докторицы приходилось сжигать чумы с пожитками больных людей и оставлять в огне трупы умерших сородичей – а только так можно было остановить распространение кишечной инфекции.

Дорожные попутчики молоденькой докторши не сомневались: шаман Увачан перевоплотился в медведя. Долго бродил по тайге в поисках преемника. Нашел наконец, кому передать тайные знания. Докторица – не эвенкийка. Худо, конечно. Но в ее роду по матери были коренные алтайцы. Шатамар это сразу учуял!

Медсестра вынесла завернутого в пеленку младенца на улицу. Показала сверток оленним людям, осадившим больницу.

– Девочка. – Поискала глазами бригадира оленеводов. – Как назовешь, папаша?

– Дак... Валухой, однако.

*Иноскоказательное название медведя.

Гирка

В сенях раздался испуганный вскрик бабушки:

– Валька! Что деется! Ить ребеночка нам подкинули.

На крыльце рано поутру баба Груня обнаружила шевелящийся мешок. Оттуда раздавалось урчание. С испугу она решила, что в мешковине упрятан младенец. Но ошиблась. Развязали тесемки. А там... мохнатый медвежонок, малышу от силы месяца три. Видно, охотники медведицу застрелили, а мишку пожалели. Дом-то наш на окраине села, огород на опушку леса заползает. Вот и подкинули нам найденыша.

Но малыша-топтыжку надо кормить. А мы сами летом с хлеба на воду перебивались, зиму держались в основном на картошке. Лишний едок – ярмо на шею. Но... живая душа, как никак.

– Пуцай остается, – сказала свое веское слово моя бабушка, баба Груня. Мама лишь молча кивнула в знак согласия.

При отце мы покрепче жили. Случалось, дикое мясо на обеденном столе бывало. А то и городской деликатес – колбаса, тятка из командировок привозил. Но его осудили, и о разносолах пришлось забыть.

Отец заведовал отделом здравоохранения нашего северного района. И, на свой страх и риск, решил приобрести буренку для подкормки больничных пациентов, в особенности детей – время-то голодное было, послевоенное, ребяшня страдала рахитом. Ручки-ножки худенькие, ребра выпирают, живот вздутый, словно шар воздухом накачанный. Рахитичные ребятишки смотрели на взрослых людей упречно, старческими все понимающими глазами. Так перед уходом в мир иной глядят. Ну не мог мой тятка спокойно это выносить... А Лысуха, у нее уже шкура от плохого до-

гляда лафтаками облезла, возьми и сдохни, едва переступив порог стойла: ему в местном колхозе подсунили коровенку-доходягу.

Судейская коллегия заседала недолго. Трое мужчин, утомленных болтанкой и двухчасовым перелетом из областного центра в наш северный охотничий поселок на допотопном фанерном самолете По-2, споро рассмотрели документы о приобретении для больницы стельной коровы, затем о падеже этой скотины. Заслушали свидетелей. Председатель колхоза, старик, согнутый в дугу ревматизмом и временем, мялся: – Не кормленная скотина была. Нечем кормить-то было... Ну и сдохла.

– Давайте по существу, прервал его один из судейской тройки.
– До акта купли-продажи корова была жива? Так?

– Но. На подпорках держали, – понуро согласился старик. – Перегон в полсотни километров не перенесла. Кого же... не жрамши-то. Не сдержалась, лярва. Сдохла.

– Во-от! – поднял вверх указательный палец судья. – Налицо злобный умысел. Подсудимый вырвал скотину из привычных для нее условий. В стайке тянула бы свой отпущенный срок... – Поправился: – кхмм... век. И дальше тянула бы. За милую душу, так сказать.

Судейская тройка вынесла приговор: виновен. В экономическом вреде, нанесенном государству в особо крупном размере. Отцу присудили двадцать лет отсидки. Обвинили в злобном умысле, сослали в Магадан.

Хотели хозяйское добро описать. А что забирать-то? Пять кур, что бродили по двору. Да кастрюля и четыре миски – вот и все имущество, нажитое моими родителями. Ушли ни с чем.

Много позже я услышала разговор взрослых о том, почему отцу впаляли двадцатку. Страна после войны лежала в руинах, надо восстанавливать. Но кому? Строителям из числа обычных граждан придется платить заработную плату, а государственная казна пуста. Выход из положения – бесплатные рабочие руки заключенных. Но изможденные лагерной жизнью узники, довоенный улов ревностных гэбистов, не годились, потребовалась свежая кровь. Тятка же мой в кости крепок был, и жилистый вдобавок.

За свою физическую силу и выносливость он и получил двадцать лет срока, хотя, мог бы обойтись строгим выговором за свою слепоту и недальновидность при покупке полудохлой Лысухи.

Мама, а она была главным и единственным на то время врачом больницы – тоже единственной на весь район, опасалась, что следом придут за ней, упекут в исправительные лагеря, как пособницу.

Для нас потянулись дни наполненные страхом ожидания новых бед. Мама запрещала мне громко плакать, тем более, смеяться. Вдруг злопыхатели в этом издевку над властью усмотрят? Не за себя боялась. Мне – только три года. Выживу ли в детском доме? Да и попаду ли туда вообще? Конвоир, нездешний, на суде, когда отца распинали, похвалялся: – В прошлый раз ить не довез до приюта мальчишку пятилетнего, сына врага народа. Он, паршивец, ныл под ухом, не хуже комара болотного. Вызлил меня. Раскрутил его за ногу и выкинул в болото. И не жалкую об этом... Утоп он, болотным гадам на закусь пошел. Туда ему и дорога, вражьему выродку!

Село наше после скорого суда над моим тятькой словно накрыло марью. С лиц северян сошли улыбки, ходили хмурые, словно в воду опущенные. При встречах избегали разговоров об аресте и отправке на отсидку их односельчанина с одного конца севера на другой: в Магадан. Был слух, что там расположен самый зловещий в стране Советов ГУЛАГ. Нашлись, правда, бывшие отцовские приятели, что поспешили вслух его охаять:

– Видать, наш бывший заведующий райздравом и впрямь злокозни тайком строил. Зря-то не осудят и в такое место не упекут.

Себя спешили обезопасить. При встречах с докторшей, моей мамой, они шарахались от нее в сторону, как от прокаженной.

Но оронч Иглэнчин, казалось, был далек от этих страстей. Зачастил в гости. После прибавки в нашем семействе тоже наведался. Долго сидел молча, сосал трубку. Потом сказал:

– Все изменится, докторица. Вот увидишь. Сам хозяин тайги Гирку, друга по-нашенски – по-эвенски, тебе послал.

Иглэнчин часто говорил загадками. Нередко разгадку лишь годы спустя отыскать удавалось.

Поначалу мы поили подкидыша коровьим молоком из соски. Пол литра молока ежедневно, еще ту же затынув пояса, пришлось покупать для него в колхозе. Мишутка урчал от удовольствия и засыпал на руках у бабушки Груни. Ну, чисто младенец, только мохнатый! Подрос. И дом наш ожил. Шалун не сидел на месте, предпочитал борьбу. Облапит меня за плечи, повалит на пол, и ну кататься клубком.

– Ах чалдон, ах проказник! – изумлялись соседи. А они все чаще стали наведываться к нам на двор. Особенно те из них, что в солидные года вошли. Заглядывали вроде бы на мишку поглазеть, но и полчаса не прошло, уже подсаживались к бабе Груне, стариковские разговоры заводили. Молодняк, детные все больше, тоже с медведем позабавиться приходили, но на самом деле им не до медвежонка было. Маму теребили, просили забежать к ним потемну, на их сорванцов глянуть:

– Что-то засопатились. Не застудились ли?

Днем-то, на виду у всех, побаивались открыто показать опальной докторше свое доверие.

Время теперь летело незаметно. Но домашний любимец требовал все больше и больше пищи. Все наши заготовленные впрок ягоды слопал, добрался и до неприкосновенного запаса. Банки сгущенки хранились на полке в сенях, их открывали лишь по праздникам – в дни рождения домочадцев и на Новый год. Мишка, встав на задние лапы, смел их на пол, расплющил лапой и высосал содержимое.

– Ах ты, непуты! Оглоед проклятый! – обнаружила разбой баба Груня. Отстегала подкидыша веником. Он изворачивался от ударов и виновато косил глазами. После понуро сидел в углу комнаты, отказывался играть. Явно прочувствовал свою вину. Но на семейном совете все же было принято решение передать мишку в больницу – там остаются отходы на кухне, легче будет прокормить зверюгу.

Медвежонка определили на постой в стайку, сложенную из

крепких бревен на хозяйственном дворе, куда больничные пациенты не могли попасть. Теплое бревенчатое стойло предназначалось для той самой злополучной коровенки, от которой так успешно избавились колхозники. Не пустовать же строению!

Время шло. И Флен, больничный водовоз, решил приспособить косолапого приемыша к делу:

– Эвон, ростом с теленка вымахал! Чего без толку болтаться?

Флену уже было за тридцать, но ростом не вышел, полтора метра – у него была нередкая в этих краях уровская болезнь: туловище с годами увеличивалось в размере, наливалось соками, а вот руки и ноги, словно дойдя до не зримой отметки, застопорились в росте, оставались как у одиннадцатилетнего мальчика. Его и на войну поэтому не взяли, списали вчистую. В больницу-то водовозом из жалости приняли, да еще потому, что мужиков на селе почти и не осталось, всех война выбила.

Флен соорудил тележку на колесах и летом возил на ней воду, а зимой, поменяв колеса на короткие эвенкийские лыжи, лед с реки Каренги. Как-то впряг в тележку мишку, и тот безропотно поволок ее в горушку – больница стояла на косогоре. Поначалу, правда, сельские собаки с ума сходили. Кидались в яростном лае на косолапого, пытались вцепиться ему в бока и загривок. Тот лишь махнет башкой, да поведет мышцами, все они и отлетали в сторону, как блохи. Поняв бессмысленность своих нападков, собаки утихли. И уже не лаяли на необычного водовоза, вовсе не обращали на него внимание, чтобы не ронять свое собачье достоинство.

Местные жители тоже обвыклись, признали медведя одним из полноправных обитателей своего селения. Кликали кто Гиркой, кто Михайлой, а то и вовсе – Потапычем. Все чаще стали останавливать на улице среди бела дня мою маму. Интересовались мишкиным норовом. И, как бы ненароком, спрашивали:

– Из Магадана-то весточки есть? Не боись, мужик у тебя крепкий, сдюжит каторгу.

Гирке шел уже четвертый год. И за все это время не было случая, чтобы ненароком покалечил или помял хоть одного чело-

века. В играх и ласках он как-то умел соизмерять силу. Мог, конечно, облапить, но бережно, и когтей никогда в ход не пускал.

Были, правда, у медведя периоды, когда он начинал метаться в беспокойстве по стайке, грозно рычал на больничных кухарок, приносивших ему корм. Флен, чтобы обезопасить женщин, сам стал приходить на кухню за отходами. И когда мишка серчал на что-то понятное только ему, лишь проталкивал ведро с пищевыми отходами в специально прорубленное в массивной двери отверстие. Иногда скверное настроение у медведя длилось по нескольку дней. Флен тогда сам впрягался в тележку и спускался к реке за водой.

Лишь тягота отпускала мишку, Флен входил в стойло, чесал у него меж ушей. И бормотал себе под нос, видно, что давно его мучило:

– Худо тебе, братуха? Знаю, худо... Отпустил бы я тебя в тайгу. Да пропадешь там не за грош. Ты привык доверять людям. А людишки-то всякие водятся.

Мужиков в селе после войны по пальцам перечесть, калечные да немощные. Но хоть и в прошлом, они – охотники, звериные повадки знали. Понимали, что каким бы ручным не казался медведь, а все же – зверь. Неизвестно что и в какой момент способно вызвать у него вспышку ярости. Так-то покладистый, вроде. Но... поосторожничать не лишнее. Поэтому детям категорически было запрещено приближаться к новоявленному водовозу. Я однажды нарушила запрет, подбежала к мишке, впряженному в тележку с полными флягами воды. Обхватила его за шею, стала целовать в лохматую башку. Медведь тряхнул мышцами, скинул с себя ярмо упряжки и лапой повалил меня на землю. Прохожие, случайно оказавшиеся поблизости, ахнули в ужасе. Но Потапыч обнюхал меня и стал осторожно катать по земле – так когда-то мы забавлялись с ним.

На этот раз дома веником баба Груня отстегала меня:

– Кому было сказано, не лезь в пасть к босоному старику, медведю ентому! Ить третий год не с нами столуется, не обязан ён тебя помнить!

Да с тех пор и возможности приблизиться к внештатному во- довозу не стало. Флен запасся кнутом и щелкал им для острастки, лишь завидев издали ребятню. А Михайлу стал водить на желез- ной цепи. Хотя... цепь была лишь для видимости. Рванись мишка, Флену не удержать.

В нашей сельской больнице не было своего хирурга. Но жизнь то и дело подкидывала непредвиденные случаи. Оленевод в тайге покалечился, охотника рысь помяла... Приходилось вызывать са- навиацию – все тот же По-2, на местные направления другие лет- ные машины не давали.

Воздушный маршрут пролегал через горные хребты, летали по нему лишь проверенные асы. Они давно подружились с Гир- кой, привозили ему гостинцы – банки со сгущенкой и шоколадки, кормили с рук. Однажды опытные пилоты прихватили с собой на рейс стажера.

На Север новичок попал впервые. Спустившись на твердый грунт из кабины самолета, огляделся. На аэродром наступала топь. За болотом виднелся унылый ряд бревенчатых изб, напоминаю- щих лагерные бараки.

Словно на зону попал. Колючей проволоки только и не хва- тает, отметил про себя стажер.

Взлетную площадку окружали отроги островерхих сопок с нетающими посреди лета на их вершинах ледниками.

– Елы-палы, да это... стражи в шлемах... Зону-то, похоже, сте- регут, – не удержался, вслух высказался стажер.

– Точно, – хмыкнул аэродромный служитель, оказавшийся по- близости. И неожиданно охотно поддержал разговор: – Село наше, Тунгокочен, в честь вот этих самых каменистых сопочек, по-эвен- кийски – Тунго, и названо. На них, если верить местным тунгусам- таежникам, духи-охранители обитают. Для глаз человеческих не- видимые, но в тайге им все подвластно.

– Фью-ить! – присвистнул новичок. – Совсем другой оборот получается. Только шамана с бубном не хватает.

До вылета оставалось еще пара часов, и практикант решил наведаться в сельмаг, который был на самом берегу Каренги. Под-

ходя к магазину, неожиданно увидел... крупного медведя, выбирающегося с реки на взгорок. Флен наполнял воду во фляги и выпустил на минуту цепь из рук.

Стажер опешил, ноги стали ватными и словно приросли к грунту, штанины предательски намокли. Дрожащими руками нащупал кобуру, выхватил пистолет – он тайком от родителя-фронтовика прихватил в рейс его боевое оружие. В упор с десяти метров разрядил всю обойму в грудь зверя.

Потапыч повалился наземь, ткнулся ноздрями в землю. Истекая кровью, он недоуменно обводил мутнеющим взглядом собравшихся вокруг людей. Казалось, спрашивал: «За что?!»

Позвали мою маму. Ее заключение было неутешительным: не жилец. Приковылял Флен и затрясся в плаче. Михайло был для него не просто помощником, другом. Флен частенько рассказывал медведю о своих невзгодах, тот, казалось, внимательно слушал и сочувственно сопел. С другого конца села прибежала, запыхавшись, баба Груня. Ей никто не мог сообщить о том, что случилось недоброе. Да видно сердце-вещун подсказало. Мишка подполз к бабушке, уткнул ей морду в колени, как делал это малышом. Баба Груня гладила его меж ушей и тоже беззвучно плакала.

Соседские собаки завывали, как воют, если в доме покойник.

Старый охотник Игнатьев, живший неподалеку, вынес бердану и пристрелил мишку, чтобы тот не мучился. А ретивому не в меру новичку-пилоту посоветовал сменить маршрут:

– Тебе к нам ходу нет, так и знай.

Иглэнчин, когда растревоженный люд разошелся по своим домам, уволок медвежью тушу в тайгу. Там освежевал, отделил голову и поместил ее на высокое дерево, собрал все кости: – Прости нас, Гирка. Вернешься к нам, когда захочешь. Когда время для этого придет.

Стажер, сняв на аэродроме летный комбинезон, – его после встречи с мишкой требовалось просушить, ругался на чем свет стоит:

– Быстрее бы убраться от этих чертовых Тунго, от этих дикарей сельских.

Где-то через час опомнился от конфуза и уже представлял,

как будет рассказывать о неожиданном приключении знакомым в городе. Шкуру же надо прихватить, хлопнул себя по лбу. Но останков медведя не обнаружил на месте происшествия.

Это практиканту показалось особенно обидным: присвоили его охотничий трофей. Юнец разразился новым потоком брани:

– Медведь у них пасется на лугу, будто...телок домашний. Вообразили себя укротителями, не меньше! А сами живут, как в пещерах, при лучинах. В темноте и убожестве. Об электричестве и слыхом не слыхали. Дикари! Как есть дикари!

Летчики, его наставники, хмурились и отводили взгляды. Старший пилот обронил:

– А и впрямь, чего тебе по воздушным ямам бултыхаться. Есть маршруты и повыигрышней... На нас не оглядывайся. Мы – работяги. Привычные.

Между воздушными асами и местными жителями после убийства мишки словно пролегла полоса отчуждения. Не сразу, не в один день, удалось растопить лед в отношениях. Конец вражде положил Иглэнчин. Раскурив свою неизменную трубочку, изрек:

– На пилотка сердчай не надо... А ентот, Гиркин убивец, шатайболтай человек. Баятай, хозяин Тайги, однако, по его следу идет.

...Иглэнчин часто говорил загадками. Нередко разгадку лишь годы спустя отыскать удавалось.

Ёсик просчитался

Ёсик чертыхнулся:

– Черт бы побрал пургу. Сколько еще в этом, забытом и Богом, и чертом, эвенкийском селении зимовать? Сутки? Двое? А не ровен час и месяц на жестком деревянном топчане в сторожке – и диспетчерской одновременно! – гнездоваться придется. Такое уже не раз бывало с летными экипажами, осваивавшими северные трассы.

У Ёсика оставался еще один неиспользованный день отпуска. Он сам вызвался лететь по северному маршруту, когда узнал, что в Тунгокочен отправляют бригаду медиков: рысь изрядно потрепала в тайге охотника, требовалось заштопать. Своего хирурга в районной больничке не было, вот и выслали на подмогу вахтовиков в белых халатах.

На этот раз в «тьму таракань» с санитарным заданием отправилась разбитная хирургиня Зинаида. Эх, заноза! И вроде красотой особой женщина не отличается, а умеет зацепить. Жарким взглядом, зазывным смехом, а то и двусмысленными намеками... И строгостью, по слухам, не отличается. Ёсику давно не терпится завести с ней мимолетный, ни к чему не обязывающий роман между авиарейсами, вдали от центра и любопытных глаз – на перекочевке.

Вот черт! Поймал себя на том, что мысленно употребляет термины местных тунгусов-кочевников.

Тунгусы эти... странные люди, тихая затаенная ненависть разлилась в груди Ёсика. Вот взять Флена, больничного водовоза, все своего выкормыша-медведя не может простить Иосифу... Усмехнулся, вспомнив, как ловко заморочил голову грузной женщине в

паспортном столе, убедив поменять ему документ. На самом деле, Иосиф – настоящее его имя, родители нарекли долгожданного сынка в честь генералиссимуса. Думали, это поможет любимому чаду хорошо устроиться во взрослой жизни. А Сталина развенчали. И бравый пилот испугался, кинулся в милицию, заявил о пропаже паспорта. Когда выдавали новый, поменял в слове три буквы... совсем другое звучание.

...И снова мысли закрутились вокруг местных обычаев. Ёсик, в бытность стажером, застрелил шатающегося по селению топтыгина. Косолапый жил среди людей и был мирного нрава, если верить тунгокоченцам. Чуть ли не нянька их детей... А вдруг проголодался бы и начал скальпы со всех подряд снимать?.. Так что он, Ёсик, доброе дело сделал, если вглубь копнуть. Спас жителей от когтей и зубов зверюги. А Флен, неблагодарный, каждый раз норовит настроение испортить.

И кто такой этот Флен-коротышка? Гуран. Так местные метисов называют. У него мать звенкийка, отец – русский. Папаша его – золотоискатель, словил фарт, и... поминай, как звали. Но памятку о себе в тунгусском селении все же оставил – короткопалого сына. Видно, под алкогольными парами потомство мастерил. У Флена торс богатырский, а ноги и ручки как у десятилетнего мальчика. Правда, своими маломощными ручонками громадного зверюгу на поводке, как ручную собачонку, водил. Впрягал медведя в тележку груженую баками с водой, и тот тягал их в гору. Водовозу самому не приходилось утруждаться.

Руки у водовоза короткие, а вот память длинная... Стоит только Ёсику наведаться в местный сельмаг, как вскоре там же, запыхавшийся, появляется Флен – сарафанное радио извещает его о прибытии в селение недруга-летуна. Пристраивается в очереди следом и, поднапрягшись, багровея лицом... портит воздух, пускает «голубков». А после разыгрывает действие:

– Ф-фу! Кто набздел? – И сам тотчас брезгливо отодвигается от Ёсика, деланно отпихивая коротенькими ручками загазованный воздух.

Мужики, что оказались рядом, немедленно включаются в игру.

Посмеиваясь, тоже сторонятся Ёсика. И вскоре возле него образуется пустота. Женщины косятся с брезгливостью. Продавщица, и та повелась на издевки Флена. Когда очередь наконец дошла до виновника переполоха, и он попросил отпустить ему десять банок консервированного краба – залежавшегося товара, работница прилавка, поджав губы, проскрипела: – Не положено! По десять – не положено. В одни руки отовариваю – по две банки.

– Как?! – опешил Ёсик. – Консервы только нашеньские, летуны то есть, и берут. Выручку магазину делают.

– Сказано: не положено! – отчеканила продавщица. – Дефицит это. Отпускаю – по две банки в одни руки.

И очередь сельчан одобрительно загудела.

На этот раз Ёсик в сельмаг не пошел, лишил Флена радости публичной мести над ним. А других достопримечательностей, кроме торговой лавки, в селении нет. Вот и давил от нечего делать доски топчана.

Ёсик приоткрыл дверь сторожки. Выглянул наружу. Похоже, не на шутку занепогодило. Третий день вьюга не унимается. То нещадно скрипит, как разбитая телега. То воеет, словно голодная волчица. То стонет и скрипит зубами, будто маящаяся роженица... Диспетчер «окно» на вылет не дает. Волей-неволей приходится дни и ночи коротать на аэродроме в служебном помещении. Хотя... тепло, от печки жаром пышет. Но скука смертная: все разговоры с аэродромными служителями давно переговорены. И зачем только он напросился на этот внеплановый рейс?

К вечеру им овладело беспокойство. Ёсику не сиделось и не лежалось. Хотелось всеобщего восхищения – в таких вот заброшенных деревнях на летчиков смотрят как на небожителей. И вина, от которого кружится голова, и все кажется легким и доступным. В общежитии для командировочных можно погулять на славу, сообразил. Да и Зина там на ночлег остановилась. И, не откладывая визит в долгий ящик, он отправился в местную заезжку.

Выпито было много. Ёсика оставляли на ночь, койка в мужской комнате пустовала. Женских усмешек испугался. А ну как за слабака

примут? Отказался: – До аэродрома рукой подать. Только мост через болотину, сейчас покрытую льдом, перевалить, и – на месте.

Но он явно переоценил свои возможности. На дворе темень, хоть глаза выколи. И в общежитии, лишь захлопнул за собой входную дверь, керосиновую лампу потушили, не сыскать тропу обратно... Где уже этот растреклятый мост? А-а-а, наконец-то под ногами не снежное месиво, настил. Но что это? Кажется, за ним кто-то гонится. Ветер, всего лишь ветер, попытался взять себя в руки ночной путник. Если бы!.. За спиной явно слышались странные ухающие звуки. Будто снаряды разрываются. Или так его собственные шаги в напластовавшемся снеге отдаются? Но это странное ухаье... словно кто-то запаленно дышит, спешит догнать. Все ближе, ближе... Да это – медведь! Зловонное дыхание зверя уже обдаёт Ёсика... Вот-вот свирепый хищник настигнет и растерзает его. Скорее на аэродром – там спасение. Там можно укрыться в сторожке – крепком бревенчатом строении: косолапому не разворотить.

А-а-а! Мост преодолен. Вот и долгожданный спуск. Ёсик нащупал опорные столбы. Вдохнул с облегчением – он в безопасности. Пробрался меж опор. Натолкнулся на доски: топчан на месте. Подстилка куда-то задевалась. Да и черт с ней.... Снял с себя унты, подложил под голову и провалился в сон.

Утром медицинский персонал районной больницы собрался на планерку. Отворилась входная дверь. В коридоре послышались хриплые прерывистые вздохи... и, показалось, удары железных шпал о деревянный настил. Откуда в их глубинке шпалы взялись?.. Удары прекратились, их сменил скрежет, словно по полу волокли что-то тяжелое, выворачивая половицы... Но что это? В кабинет врача протиснулся Ёсик. На негнущихся обледеневших босых ногах, которые передвигал с невероятным трудом, словно ходули с навешанными чугунными гирями... Ночь на сорокаградусном морозе пьяный летчик провел под мостом, уснув на досках. Всего лишь в пятистах метрах от сторожки аэродромных смотрителей.

Обе ноги пилоту пришлось ампутировать. Операцию провела бригада медиков, которую Ёсик сам же и доставил в Тунгокочен по воздуху.

По селу волей-неволей пошли пересуды о случившемся. Кто-то вздыхал, сочувствуя мужчине, лишившемуся ног: – Молодой ить совсем. Лучше бы Гирка, медведь, его совсем прикончил.

Другие не находили в себе жалости: – Пустой человек. Без сердца. Это кара ему за Гирку, выкормыша Флена.

Третьи глубокомысленно замечали: – Вон как все обернулось. Косолапый, стало быть, в долгу не остался, рассчитался с обидчиком.

Мои сверстники взахлеб пересказывали родительские пересуды. Я тяжело переживала случившееся, в конце концов, свалилась в горячке. В бреду кричала:

– Гирка не мог! Не-е-ет! Гирка – добрый!

Бабушка Груня, она неусыпно была со мной, гладила по голове, успокаивала:

– Тише, золотко, тише... Зряшно все скопом на Гирку валят. Ты поспи, дитятко. – И бурчала про себя: – Гирка? Как же! Зальют свою утробу поганым зельем и ну красоваться, да по ночам шастать... А мороз-то жме-о-оть. А с Севером-то шутки пло-о-охи.

Охая, сняла с меня мокрую от пота рубашонку, взялась протирать мое тело разведенным спиртом. А мне в какой-то миг прииделся... Гирка. Пришел проведать меня!

Голубчик! Миленький! Не оставляй меня одну в этом липком и тягучем бреду, молила я. Мне самой не выбраться из темной трясины, засасывающей меня все глубже, глубже... Гирка и не думал исчезать. Нависнув надо мною всей тушей, как когда-то в детстве, бережно ворочал меня с боку на бок, катал по кровати, дышал мне прямо в лицо настоем терпких трав, кислым духом брусники... Утром я очнулась ото сна. Обессиленная, но совершенно здоровая.

Но кто был со мною той ночью, критической, как говорили медики – решалось, выживу ли, выцарапаюсь ли! – Гирка или бабушка, до сих пор гадаю об этом.

...Тем самым утром, лишь распогодилось и чуть разъяснилось, на опушке леса появился Иглэнчин. Старик оглядел вмятины от медвежьих лап хорошо заметные на свежем еще не спекшемся на весеннем солнышке снеге. Поцокал языком:

Нина Коледнева

– Це! Це! Це! – не понять: то ли осуждающе, то ли с удивлением. После наломал сосновых веток и взялся замечать следы. Вмятины в снежном насте довели его до крыльца дома, где пять лет назад местная докторица обнаружила медвежонка, Гирку.

Иглэнчин огляделся:

– Никто не проснулся? Трубы не дымят?.. Вот и ладно. Вот и я, старый, сгодился. – Снова поцокал языком. На этот раз, довольный собой. И отправился досыпать в свою берлогу, так он называл бревенчатое строение с небольшим прорубленным окошечком. В этой халупе, крытой корьем, как ослабли ноги и зрение, старик доживал отпущенный ему в этом Срединном мире срок.

Солнце в чуме

Утром проснулся и в первый момент не понял: где я? Лежу на подстилке из веток стланика. Рядом посапывает сослуживец и мой сверстник Павел, такой же бедолага-милиционер, как и я. В центре шалаша потрескивают угли в уже прогоревшем костре. А по коре сосны, запеленавшей наше временное укрытие, дождь с не остывающей яростью выстегивает свою злобную дробь.

Выглянул наружу: сверху льет, как из ушата, и внизу несутся, бурлят, пузырятся потоки воды, огибая наш утлый ковчег... Дождь хлещет без передышки уже вторые сутки. Все слилось в сплошную водную круговерть, где верх, где низ – не разберешь.

Я на минуту усомнился в надежности шалаша: того и гляди, водопады, несущиеся с горы, сорвут его и понесут, швыряя и крутя, как осенний лист... Но вспомнил: чум прижался к горной гряде, сверху защищен каменистым выступом, по сторонам укреплен камнями-окатышами. И успокоился: нам-то непогода не страшна.

Дядька Уоллок, помнится, продираясь через таежные дебри, обронил:

– Комары шибко лютуют. Укрытие искать надо. Чум ставить надо.

– От комарья спастись будем? – поинтересовался.

– Пошто? – удивился старик. – Комары знак дают. Дождь затажной надвигается.

А на небе – ни облачка. Пашка, третий участник нашей связки, съязвил:

– Метеоролог из тебя, дед, никудышный.

– Пошто не веришь? Улуки* свои гнезда задраивают, к затяжному дождю готовятся... Уоллок правду говорит.

Старик обиженно насупился. До следующего привала шел молча. Остановился у подножия гольцов: – Здесь укроемся.

Тут, похоже, когда-то бушевал пожар – в ложине повсюду торчат обугленные стволы деревьев, как печные трубы на пепелище. За обгорелые пни, разлапившиеся, словно пауки, цепляются сгустки тумана.

– Чай-Урья, урочище потерянных душ, – упавшим голосом пояснил наш проводник.

Место неприглядное, но дядька Уоллок оценивающе глянул на небосвод:

– Торопиться надо. Скоро уж польет... Солнце шибко ярко светит. Надолго, однако, прощается, – показал на гранитный выступ, нависающий над ложинкой. – Под ним ливень переждем.

Спорить с бывалым таежником не стали.

Дед, ему лет пятьдесят, но прыти не потерял, споро срубил несколько не задетых огнем листовниц. Соорудил шалаш, покрыл его корьем. Нас отправил запастись впрок хворостом. Только поспели с дровами, небо затянуло тучами, начал накрапывать дождь. Постепенно припускал и к вечеру разошелся не на шутку. Лил и лил без продыху.

А я пытаюсь уразуметь, как Уоллок мог знать о предстоящем обложном ливне за пол суток наперед. Он, словно настройщик рояля с абсолютным слухом, в истошном крике гагары и зуденье комара различил прелюдию набирающей силы, надвигающейся небесной хляби.

Но где же старик? – спохватился я: – Неужели проглядели? – Даже пот прошиб. Уоллок – преступник. В пылу ссоры пырнул своего собутыльника ножом. Опытный оленщик, знал, куда острие охотничьего ножа направить. Одзял, его жертва, испустил дух тут же.

...Я как раз заступил на суточное дежурство в отделении милиции районного центра Чары, когда по рации сообщили:

Улуки (эвенк.) – белки.

– В Среднем Каларе, селении на тридцать жилых дворов, убийство.

Поступило задание готовиться на вылет: необходимо задержать и доставить в головное село преступника. Он вооружен и опасен. В напарники мне выделили Пашку, моего ровесника, новичка в отделении. Пусть специфику преступности на закрайке мира познает, напутствовали в дорогу.

В Каларе я впервые. Оглядываюсь по сторонам, стараюсь все приметить. В глухом таежном селении жизнь еле теплится. На заброшенном аэродроме пышно разрослись крапива и чертополох. Стадион тоже зарос травой. Клуб пустует – окна забиты досками. Вот и на дверях начальной школы красуется амбарный замок.

Училка деру дала, нехотя объяснил глава поселения, грузный мужчина лет сорока. Явно не выспавшийся и словно помятый.

Почесал затылок, обдумывая фразу:

– Да и как осудишь? Она женщина молодая, в соку, веселья ищет. А в нашей глухомани глаза все убила над учебниками. Из экономии горючего мы электродвижок включаем крайне редко. Лишь на радостях. Или при несчастных случаях... как нынче вот, – уточнил угрюмо.

– Нам-то на руку ваш прилет, – встрял в разговор заведующий сельским магазином, полная противоположность местному главе, юркий, суетливый мужичонка. Но тоже помятый, словно его ночь напролет били-отбивали скалками... Да, славно погуляли каларцы.

Завмаг пригласил заглянуть в свои владения. Хихикнул:

– Мы, паря, нонче жируем. Загрузились, благодаря вашему внеплановому рейсу, аж по самую маковку. Колбаса копченая – звон! – змеей свилась. Даже редкий деликатес, растворимое кофе, вертолетчики нам доставили. Побаловать решили.

Скисает:

– Да на кой это нам?.. Муки и соли подкинули бы. От завоза до завоза время тянем, в пору зубы о пустой прилавок точить.

Процедил сквозь зубы:

– Наш оленеводческий совхоз кому-то там, наверху, бельмом на глазу показался. Развалили... Мы теперь лишние люди.

Жизнь с распадом преуспевающего когда-то совхоза и впрямь замерла. Связь с райцентром прекратилась. О каларцах на материке, похоже, забыли.

Но нет. Каждый год в первых числах сентября вертолет, как железная птица Куруух из преданий старцев, ворующая малых детей, опускается на заброшенный аэродром. В селении поднимается суета. Женщины спешно собирают в дорогу сопливых малолеток. Кладут им в сумки кусочки сушеного мяса, испеченные мучные лепешки и молча глотают слезы: разлука долгая предстоит. Повидаться удастся лишь на летних каникулах, когда железная стрекоза забросит ребятишек в родное селение – «на свиданку».

Но я отвлекся от сентенций болтливого завмага. Что он говорит?

– Теперь наши каларские карапузы аж с семи лет становятся казенными особами... У них и запах другой, и повадки иные... Под себя в райцентре их кроят и шьют.

«Вертушка» попутно доставляет жителям Среднего Калара медикаменты, горючку, патроны, порох. И непременно водку.

Глава поселения дает команду включить электродвижок: вот он, долгожданный повод – проводы орущей, колготящейся ребятни. Без них в селении наступит жуткая, пугающая тишина... Ну а пока семьи еще вместе. Колонки от магнитофона еще накануне устанавливают на столбах возле клуба и на всю мощь врубают музыку. Начинается гульба.

Вот только редко какой суглан, общее сборище эвенков, без стычек и кровавых драм обходится. На пьяную голову давнишние обиды всплывают, желание посчитаться одолевает.

«Но чего старики-то не поделили?» – ломаю голову. Оба пастуха жили отшельниками, пасли своих оленей в тайге. Оба оленщика, завидев в небе вертолет, пригнали стада к селению. Уоллок хотел пополнить истощившиеся запасы соли, муки. Его соседу Егору Свистунову, или Свирепому Одзялу, так его прозвали сородичи, по-

надобились патроны. В магазине старики, не сговариваясь, купили водки.

– Но! Одзьял две поллитровки взял – под запись. Уоллок, кажись, не меньше, – проверил по своей «долговой книге» заведующий сельмагом. Наличных денег у каларцев давно не водится, берут продукты в магазине в долг. Рассчитываются охотничьими трофеями в сезон промысла.

Опасный преступник, Уоллок, на вид оказался низкорослым, худым и жилистым стариком с пучком седых реденьких волос на затылке. Он, весь сжавшись и втянув голову в плечи, сидел в кабинете главы сельского поселения – единственном помещении в Каларе с надежным запором. И, казалось, всем своим видом извинялся, что из-за него одного столько шума и хлопот. Служилых людей вон с места сорвал. Даже «вертушка» внеплановый рейс совершила.

У меня не оконченное юридическое образование, так что на подобных вылетах приходится выполнять работу следователя.

– Рассказывай, как было дело, – обратился к старику.

Тот часто и растерянно заморгал глазами:

– Ну... помер Егор. К верхним людям торопится, однако.

– Че уж теперь-то спешить? – хмуро поинтересовался глава поселения.

Уоллок открыл было рот, чтобы ответить. Но я прервал его: – Вы враждовали прежде с покойным? Что не поделили?

– Пошто делить? У буче, покойника, свои олешки, у меня – свои.

Глава поселения, снова вмешался: – Пастухи месяцами не виделись. Случайно в селении сошлись. И... на тебе.

От Уоллока я ничего вразумительного не добился. И участники застолья, свидетели ссоры, ясности не внесли, в голос твердили: – Старик и комара не обидит. Его имя означает «тихий», «робкий». Да он такой и есть.

– Ваш тихушник человека зарезал. Как кабана. Безо всякой причины, – фальцетом выкрикнул Пашка. – А вы его защищаете.

Завмаг, а он тоже топтался в конторе, даже подскочил на месте от таких слов. Взвизгнул по-бабьи:

– Была, была причина-то. Одзял, Егор Свистунов то есть, погрозился на оленей мор навести.

– Я вот пригрожу, что река Калар из берегов выйдет... Поверите?

Эту реплику моего напарника Павла каларцы встретили настороженным молчанием.

– Дурак последний! – ругал его после. – Забыл? Эвенки верят, что слово наделено особой энергией, муксун, и проклятия могут сбыться. А река у них и в самом деле своенравная, частенько из русла выходит... С их отношением к оленям тоже приходится считаться. Для них орон – родная душа, помощник, кормилец.

«Может, конфликт оленьих зрителей с разделом животных на паи связан?» – осенило меня. При совхозном укладе Егор Свистунов был бригадиром, Уоллок – пастухом на стаде. Тут покопаться надо, глядишь, причина конфликта отыщется.

После распада совхоза животных, розданных на паи, сумели сохранить лишь двое каларцев – Уоллок и Одзял. В стаде Свистунова, бывшего бригадира, самцы крупные, племенные: лучших себе отобрал. Пастуху Уоллоку достались выбракованные быки. Но, видно, бригадирить, да понукать работников – одно, а нянчить, выхаживать телят и самому оргишить, пасти оленей – другое. Одзял не мог защитить народившихся пушистиков и годовалых тарагаек от волчьих клыков, а важенок и хоров* от болезней; его стадо редело.

И на этот раз во время застолья Свистунов признался: на его животных копытка, болезнь такая, напала. Лето сухое и жаркое выдалось, олени колкой травой копыта ранили, раны гноились. Один за другим падали, дух испускали. Он сумел спасти лишь треть стада... Уоллок же и от волков отбился, и от болезней уберегся. Не иначе, заговор особый знает.

– Ну погоди! – злобно погрозился Одзял. Он другой заговор у якутского ойууна, бесноватого шамана, вызнал – на порчу и болезни. Специально к нему за этим бегал. Наведет теперь мор на

Важенка – самка оленя. Хор – самец оленя.

быков и телок удачливого соседа. Протянул руку к окну: там у заборного столба был привязан орон, любимый олень Уоллока. Забормотал что-то себе под нос, завыл, подражая волку, зловеще сверкая глазами.

Сотрапезники и охнуть не успели, как Уоллок выхватил свой охотничий нож, пустил его в ход.

Но... если старик решился бежать от нас, сейчас самый удобный момент. Проливной дождь смывает все следы.

– Пашка, проснись! Прозевали мы деда, – в отчаянии стал будить приятеля.

Павел проснулся, с хрустом потянулся, зевнул. Оглядел внутренность шалаша. Протянул задумчиво:

– Ну-у-у... это вряд ли. Ружья-то наши на месте. Он же, Уоллок, не дурак, вздумай в бега податься – оружие бы прихватил. Объявится дед. Хотя...

Не договорил. Поднялся. Хлебнул прямо из котелка еще горячего чайку. Уоллок перед уходом позаботился, вскипятил воду, даже кинул туда лист брусники для аромата. И продолжил мысль:

– Хотя... лучше бы утек. Не лежит у меня сердце в тюрьму деда засовывать.

Я в душе был согласен с Пашкой. Преступник-то старик... по случайности. За оленей своих испугался. В них у него весь смысл жизни. И... не выживет дед в тюремной камере. Он и домашними стенами тяготился. Его изба в селении большую часть года пустовала. Во время коротких побывок старый пастух устанавливал чум во дворе дома, ночевал в нем. Объяснял:

– Душно в избе. И тесно. Как в коре*... Успею еще в нем налечься.

Но если дед сбежал, в непогоду всякие поиски бессмысленны. Нам оставалось только ждать, когда духи гор стянут тучи с неба, – в такой разгул стихий и в существование трех миров, и в духов-повелителей стихий поверишь.

Кор – деревянная колода с выдолбленным в ней отверстием. В таких колодах орочны прежде хоронили покойников: подвешивали коры на деревьях.

От вынужденного безделья мы с Пашкой гоняли чай и вспоминали по дням наше недельное путешествие от Среднего Калара в сторону Чары.

Мы ждали «вертушку», чтобы доставить задержанного преступника в районный центр, где предстояли суд и пересылка в тюрьму. Дед – вменяемый, срок за убийство в любом случае получит.

Вертолета все не было. Через неделю по радиации сообщили:

– Не ждите борт, конвоируйте преступника своим ходом.

А словоохотливый дежурный по районному отделению милиции выложил нам все резоны начальства: слишком дорогое удовольствие третий раз за месяц гонять «вертушку» в медвежий угол. И... не уж два рослых детины не справятся с хилым старикашкой?

Пилоты-вертолетчики, не иначе, «просветили» руководство! – чертыхнулся Павел. Откуда бы в центре знать, что в нашем злоумышленнике полтора метра роста от силы.

Но с начальством не поспоришь. Надели на Уоллока наручники, прихватили запас продуктов на пять дней, ружья, патроны, спички, компас и на рассвете покинули село. Из окон своих домов за нами молча наблюдали каларцы. Оказалось, никто не спал.

– Как только дырки в спине взглядами не просверлили, – передернул плечами Пашка. – Словно сердца у них из тел вынули.

Я понимаю их: последнего пастуха провожают. Он их с прошлой жизнью, с оленями, связывал. Теперь и в самом деле они – лишние люди. Безоленные.

Несколько часов следом за нами бежал учуг, ездовой олень Уоллока, пока старик не остановился. Серdito и резко прокричал:

– Ууу -ай! Стой! Замри! – И уже тише, осипшим дрожащим голосом: – Ги! Ги!.. Пшел... в село, к людям пшел... Пропадай в тайге один.

Хор, казалось, понял. Повернул и затрусил в сторону поселка. А у старика задергалось веко над глазом. Нервный тик? Не замечал за ним такое прежде.

Первый день похода прошел без происшествий. У нас с Пашкой была карта района. Ориентировались по компасу. Одолели километров тридцать. Деда тащить не пришлось, оказался ходким.

Мы с Павлом к вечеру выдохлись, а старику хоть бы что – дышит ровно, усталости и следа нет. Лишь посмеивается: – Моя бегать умеет. С оленями не заленишься.

На вторые сутки, когда вышли к затухшим вулканам, компас отчего-то забарахлил. Стрелка металась по кругу, каждый раз показывая «север» в противоположном направлении.

Куда идти? Мы с Пашкой растерялись. Дядька Уоллок, казалось, прочел наши мысли. Кивнул в сторону гор со снежной шапкой на вершине:

– Переваливай хребет надо. Моя дорогу знай. Оргишил в этих местах.

Пришлось довериться старику. Он вел нас в гору, находил козы тропы, предупреждал о ненадежных останцах. Наручники с него давно сняли. При подъеме на хребет порой по краю обрыва продвигаться приходилось, цепляться за уступы – руки свободными должны быть.

С вершины хребта открылся вид на долину. Листва берез уже кое-где начала желтеть, а кусты голубичника, казалось, забрали краски у жаркого солнца и, словно огненные языки, стелились по низине, лизали подножие гор.

У меня захватило дух от увиденного. И Пашка невольно ухнул:

– Словно на Марс, красную планету, попали!

Вскоре стало не до красот. В долине нас подкарауливали болота и мари.

Мы, вымокшие с ног до головы, ломались через стланики и ерники, продирались через буреломы, перебрехали многочисленные коварные речушки, месили набухшую влагой болотину, давно не чужая под собой ног. Перед очередным бродом через горный ручей, с виду безобидный, я поленился застегнуть поясной и грудной ремни рюкзака. И тут же был наказан за беспечность. Поток сбил меня с ног, завертел, как песчинку. Пытаюсь подняться и не могу.

Пашка кричит:

– Бросай рюкзак!

Но в нем запасы нашей еды. В Пашкином рюкзаке – наручники.

– Бросай, если жить хочешь!

Пришлось подчиниться... Бреду дальше, мокрый с головы до пят – обсушиться нет возможности.

Теперь вся надежда на запасы провианта Уоллока. Но старик распорядился по-своему. Раскрыл свою потку, выдавшую виды сумку из потертой оленьей кожи, вынул последнюю буханку хлеба, раскрошил ее и кинул куски в воду. Заметив наши недоуменные взгляды, обронил:

– Духи Нижнего мира шибко голодные, однако. Жертву просят.

Мы с Пашкой промолчали. Дед верит в духов. Зачем пережить ему?

На удивление, следующие переправы через горные, бешено ревущие ручьи обошлись без происшествий.

День третий. Чем запомнился? Комарье одолело. В низине солнце припекало, и насекомые не спешили впасть в спячку... Хорошо еще, что накомарники захватили. Но эти летучие кусачие собаки проникали под сетки, впивались в шею, глаза. Стаями набрасывались на нас, умудрялись до крови разъесть даже тыльные стороны ладоней. Хоть караул кричи, нет от них спасения. Уоллок и тут прозорливее нас оказался. Помню, меня удивило, когда он при сборах засунул к себе в заплечную сумку моток бичевы и пару пустых консервных банок. К чему тащить с собой этот хлам? А жестянки-то пригодились. Старик подвешал их на бичеве на собственной шее, наполнил гнилушками и подпалил. Гнилушки тлели, и дым отпугивал гнуса.

Видя наши страдания, Уоллок, ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес:

– Оленщик на горных склонах олешек от гнуса спасай, себя спасай. Там ветер шибко хорошо обдувай.

А старик прав: хватит с нас купаний в ледяной воде – так и воспаление легких можно получить. Хватит и комаров-вампилов приваживать: попили кровушки нашей всласть.

Я, как старший по должности, принял решение: сделаем крюк по сухой местности. Но для этого придется снова подняться в горы.

Как ни крути, встреча с домашним теплом еще на сутки или двое откладывается.

Пашка перечить не стал. Дурашливо выкрикнул:

– А-а-а-а! Не привыкать камни ломать, да из-под завалов выламываться.

Лезем вверх, в гольцы, продираемся сквозь шкуродер кедрового стланика, ломимся через заростельник, карабкаемся по кручам.

Впереди снежное плато. Его никак не минуешь. Ступаю на снежник... и проваливаюсь по колено. Делаю второй шаг – нога уходит еще глубже. Еще шаг... и оказываюсь по пояс в снегу.

Выбираться, вернее, выдираться из образовавшихся ям-ловушек, приходится с кровью, оставляя на острых ребрах заледенелого снега клочки одежды и лафтаки собственной кожи... Пашке хуже других приходится, проваливается чуть не по грудь. При нем кроме ружья еще и металлические наручники – грузило доброе!.. Вырвавшись из очередной снежной западни, зову в подмогу Уоллока: самому не под силу вызволить напарника из природного капкана. Подползаем по-пластунски и вдвоем вытаскиваем моего напарника из снежного месива... впредь Пашка пробирается по снежнику только ползком.

Старик уходит вперед: тропить. По набитой тропе немного легче продвигаться. Но снежному кошмару конца не видно. А тут еще свинцовые тучи набежали на небо. Погода портится. Надо табориться. Но утапывать снег бесполезно – под снежным покровом скрываются водные потоки.

Лишь дядька Уоллок не теряет присутствия духа. Указал на крупный валун, торчащий из-под снега. Около него устроились на ночлег. Дров вокруг не нашлось. Да и откуда? Только снег, лед и вода. К жизни всех вернул шкалик со спиртом. Его в Пашкин рюкзак предусмотрительно засунула заботливая фельдшерница из Калара.

Разулись, вылили ледяную воду из обуви. Растерли спиртом ооченевшие ступни ног. Сами сделали по глотку обжигающего на-

питка. Пашка, измученный снежными ловушками, мгновенно заснул. Меня тоже в сон клонит. Но креплюсь. Наблюдаю за Уоллоком.

На него спиртное произвело неожиданное действие. Старик обмяк. Сел на корточки. Стал похож обличьем на сову. Печальную, намокшую, набухшую влагой ночную птицу. Показалось, сейчас замашет крыльями, чтобы обсушиться.

Дед неожиданно тонко запричитал. Нет, запел. На эвенкийском. Я не все понял в его протяжном пении-плаче. Вот что удалось разобрать:

– О Свирепый Одзял, ты почто такой? Всем несешь горе. Оленей не жалеешь, они гибнут. А олени, они, как дети. Доверяются па-стуху.

О Свирепый Одзял, злой дух! Орочелку Таллой помнишь? Знаю, помнишь. Она сохраняла огонь в чуме. Но ты выдернул ее из бригады, как выдергивал у пастухов лучших оленей. Устроил на работу в контору – полы мыть, а после себе в жены взял.

Таллой ты тоже не жалел. Я видел следы побоев на ее лице, видел выбитые зубы. Ты пускал в ход кулаки, если Таллой перекидывалась со мной парой слов. Я жалел ее, перестал появляться в селе.

Таллой не стала терпеть побои, ушла к Верхним людям. А я... остался один, не сумел найти такую, как она. Светлую. У нее глаза ночами лучились, словно звезды.

Скоро, скоро уже отыщу свою Таллой в Улин Буга, Верхнем мире. Там у нас с ней будут детки. Оленей я тоже заберу с собой в Верхний мир, будет у нас с Таллой свое стадо...

Вот оно что! Я помню эту трагедию: тридцатилетнюю женщину обнаружили мертвой, в петле. Егора Свистунова подозревали в убийстве жены. Он и прежде отличался жестокостью, избивал ее нещадно. Но медэксперты дали заключение, что муж не при чем: женщина сама свела счеты с жизнью.

Не дослушал песнопение, провалился в сон.

Наутро, отдохнувшие, со свежими силами, мы одолели этот чертов ледник, выбрались наконец на проторенную машинами

дорогу. Правда, сейчас зимник еле заметен, зарос травой. Но теперь не заплутаем, колея выведет к человеческому жилью.

К вечеру добрались до навевающего тоску места. Кругом сухостой. В горельнике гуляют, как призраки, клочки тумана.

– Души самоубийц, однако, пристанище ищут, – побелевшими губами прошептал Уоллок. – Это Чай-Урья, долина Смерти.

В этой долине и накрыла нас непогода, заставила сделать длительный привал.

Неожиданно колода, прикрывающая вход в шалаш, сдвинулась. Вполз дядька Уоллок. Насквозь промокший, в прилипшей к телу одежде. Мы с Пашкой обрадовались появлению старика. Жив старый курилка!

Словно солнышко засветило в нашем сумрачном убежище. Подкинули хвороста в костер. Стянули со старика мокрые рубаху и холщовые брюки. Достали из рюкзака заначку – уже на половину пустую бутылку спирта, натерли спину и грудь нашему беглецу. Уоллок не сопротивлялся. Блаженно щурился и позволял делать с собой все, что нам заблагорассудится.

– Куда тебя понесло в непогоду? – выругался Пашка. – Мы тут все глаза проглядели.

– Не надо серчай, – миролюбиво произнес Уоллок. – Арангаса ходил. Шамана Толгоя проведаль.

Арангас – шаманское захоронение. Это место нельзя показывать чужакам. Поэтому наш конвоируемый и в то же время – проводник в мире вулканов, где современные средства навигации бессильны, не сказался, один ушел.

– Зачем вернулся? – сорвалось с языка Пашки. – Тайга бы укрыла.

– Пошто так? – вздрогнул Уоллок. – Моя не умеет друга бросать. Моя вас к людям выводи надо.

Дождь хлестал еще не меньше суток. Наконец ветер разнес тучи в разные стороны, на небе вновь рассиялось солнышко. Мы подождали до полудня пока схлынут ручьи, подсохнет почва. И вновь тронулись в путь. Но в голове лишь одна мысль – о хлебе. У нас даже единственного сухаря не осталось.

На привале Уоллок начал мастерить ловушку:

– Моя лес ближний бегай, зайцев лови.

– Ружье дед возьми, – протянул ему свой заряженный карабин Пашка. Подумал и насыпал старику в сумку патронов. Я сделал вид, что не заметил его щедрый и многозначительный дар.

Через какое-то время мы услышали выстрел. На бивак Уоллок вернулся довольный, приволок тушу косули. Пашка в досаде сплюнул:

– Экий... не догадливый.

В этот вечер мы устроили настоящий пир: жарили на костре куски мяса. Лишь покроются корочкой, впивались в них зубами... Ничего вкуснее не ел!

Улучив момент, когда Пашка не мог нас услышать, сказал Уоллоку:

– Скоро уже в Чаре будем. Ты вот что, дед... Скажи на суде, что был в состоянии аффекта. Глядишь, срок скостят.

Старик в недоумении заморгал глазами: – Аффект... такой дух? Пошто не знай.

– Ну, скажи: кровь в голову бросилась. Сам не понимал, что творил.

Старый пастух страдальчески поморщился:

– Твоя не понимай... Олени все одно – люди.

Завидев крыши домов, надели на старика наручники. Уоллок, казалось, был всем доволен.

На суде наш конвоируемый начисто забыл все советы. В последнем слове заявил:

– Моя оленей спасай. Злые слова Одзяла останавливай. Убивай. Вот так. – Еще и показал.

Судьи, пораженные откровениями оленьего пастуха из Карара, срок ему определили немалый: пять лет.

Я подошел попрощаться. Уоллок пытался успокоить меня:

– Холосе, все холосе будет, друга. Шаман Толгой обещал выручай меня.

– Толгой умер лет сто тому назад. От него, верно, и костей не осталось. Как он мог что-то обещать тебе?

– Во сне приходил, однако. Не сам. Его ийэ-кыл, сущность. У Толгоя только изношенное тело помирай, сущность не помирай – живая. Толгой сильный шаман. Помогай будет. Но!

В тюрьме Уоллок отсидел лишь двое суток. На третье утро охранники обнаружили его в камере мертвым. Старик умер во сне, на лице застыло выражение покоя и умиротворенности.

Его олени, оставшиеся без присмотра, стали добычей волков. Хочется верить, что быки и телки ушли в Улин Буга, Верхний мир, следом за дядькой Уоллоком. И там они непременно встретятся.

А я подал рапорт об увольнении со службы. В странствии по взбунтовавшимся вулканам и в жестких объятиях долины Чай-Урья, не хотевшей выпускать нас, я понял: работа следователя не по мне. Решил: отправлюсь белковать. Вот только снег покроет плотным покрывалом землю, рюкзак за плечи, и в путь – в гольцы. Я должен научиться различать голоса птиц и зверья, понимать подсказки природы. Вернуться к себе, настоящему.

Но не только это стало причиной моего ухода со службы. Мне необходимо разобраться в случившемся. Понять, что важнее – голос сердца или буква Закона. Как совместить?.. Я должен, должен ответить на эти непростые вопросы. Верю, горы мне помогут.

Улинчина тропа

Уля, Улинка и, наконец, старая выжившая из ума Улинча. Во всяком случае вся молодежь в стойбище эвенков так считала. Старики-то иначе думали. Называли женщину Уля-кан, Большое сердце иначе.

С самого детства Уля росла на особицу, дичилась сверстников. Да и не до игр ей было. В три года отца задрал медведь, а у матери кроме нее братишка грудной у титьки пустой орет. В лабазе ни крошки. Собаки и те от голода воют. Мать ни слезинки не пролила. В тайге до темноты промышляла, но вернулась ни с чем.

Так продолжалось и день, и два, и три... Удача отвернулась от вдовы.

Вскоре хозяин тайги Баятай сжалился над бедной женщиной, забрал у нее одного едока. Там, в Верхнем мире, братик не будет больше маяться от голода, поняла Уля. У нее всегда сердечко сжималось от жалобного плача братишки.

А девчонка в ту тяжкую зиму выжила, хоть и прозрачная от недоедания была, как пластины слюды, что часто попадаются в скальных породах Кодара.

На будущий год мать Уле звериные тропы показала, научила капканы ставить. А сама, как тлеющий огонек, утухла, в мир иной ушла. Ружье, оставшееся от отца, дочке в наследство осталось. Вскоре девчонка своего первого глухаря подстрелила – птицу чуткую, ни человека, ни зверя близко не подпускающую. А малолетке, знать, сам Баятай, хозяин тайги, помог.

Со временем Уля овладела охотничьей премудростью. Умела затаиться и выжидать на звериной тропе удобного момента часами. Через пару годков-клубков, временем из череды летних и

зимних дней сотканых, она уже могла в смекалке и с хитрым сободем потягаться. А ее легкие ножки, казалось, не знали усталости...

К семнадцати годам Улинке не было равных в охоте по всей Чарской долине. Ее барелак, ожерелье из зубов хищных зверей, добытых на охоте, выделялся клыком рыси и медвежьими зубами. Девчонка с виду махонькая, где ей, кажется, с горбатым стариком совладать. Так она смекалкой брала. Наловчилась ловушки-медвежатницы из надпиленных лиственниц ставить. И хоть хитер и осторожен зверь, а к Уле в западню попадался. А когда молодая охотница сдавала на фактории пушнину, ее неудачливые сородичи лишь от досады и зависти ежились. Беличьи шкурки, как на подбор, без единой отметины дробью. Юная охотница только в глаз зверьку целилась, била без промаха. За белкой на прилавок ложился горностаи, и мех на его шкурах струился, словно лунный свет в ясную зимнюю ночь. Своей чередой шли шкурки соболя и куницы – ни в самой укромной норе, ни в глубоком дупле не могли схорониться зверьки от Улинкиных зорких глаз.

Как ни крути, а Баятай сироте благоволит, судачили звероловы.

Многие парни не прочь были одной лыжкой с Улей на промысел идти. Некоторые – из хитрости, чтобы вызнать урочище, где серебристые горностаи водятся. А кое-кто без задней мысли на Улинкины черные глаза, блестящие словно бисеринки на кумалане, коврик из обрезков оленьих шкур, заглядывался. Да все напрасно. Девка в сторону от парней, как дикая олениха, кидалась.

Но однажды все круто изменилось. Улинка-охотница сама в любовные силки попала.

...Летом на Апсате – в предгорьях Кодарского хребта – появились геологи-поисковики. Бородатые, хоть и не старики. «Не к добру это, ох, не к добру, – судачили таежные звероловы. – Зачем старость прищпоривать? Сама дорогу найдет».

Пришлые бородачи черным углем интересовались. Старики-долгожители знали про этот камень, что упрятан в недрах Апсаты. Не уголь, хоть и черен. Это спрессованные деревья и кости животных, живших в незапамятные времена. Память Земли.

«Зачем тревожить недра хребтов, доставать из их чрева запретный плод? – недоумевали старцы. – Разбуженный Тангара, дух гор, начнет гулять по свету, отыгрываться за нарушенный покой».

Но геологи, видно, Табу не страшились. Вгрызались в землю и скальный грунт, рыли шурфы, искали залежи угля. Оленные люди Апсат, где велась разведка, опасливо стороной обходили, чтобы не накликать на себя беды. Но бородатые чужаки, случалось, сами наведывались к ним в селение. Пополнить запасы мяса. А то и просто от скуки, лясы поточить.

Особенно зачистил один из них, вечно злой и насмешливый, с приметной нечесаной шевелюрой, словно кудлатый пес у плохого хозяина. Ни одной девки в селении спокойно не пропускал, обязательно соленую шуточку отпустит. Улинке прохода не давал:

– Что, косоглазая, дичишься? Или косолапый медведь лучше тискает?

Другой раз в упор уставится на нее и, не таясь, во весь голос заявляет:

– Эвенушек я, признаться, еще не пробовал. А вот эту, дикую, не прочь объездить.

Улинка вспыхивала румянцем и, не поднимая глаз, убыстряла шаг.

Геологи по осени свернули палатки и покинули предгорья Апсата. Так бы все и забылось. Но сородичи стали замечать, что Уля заметно округлилась, глаза вовсе поднимать перестала. Смекнули, что к чему. А тут еще кудлатый геолог о себе напомнил – с вертолетчиками, на зиму провиант на промышленную базу доставившими, переслал для Ули бумажные деньги. Много, несколько пригорошней. Засаленные трешки и пятерки. Но таежница растерялась, не знала, что с ними делать: в фактории торговец товары и продукты орочоном только в обмен на пушнину отпускал. Сунула деньги в сумку под лежанку. Лишь когда сыном разрешилась, достала потку, заплечную сумку, все бумажки разгладила и вновь припрятала. И как крест на своей женской доле поставила. На охоте душу отводила. Тут-то ей равных не было.

Сына, как и кудлатого геолога, Кольчей назвала. А он и впрямь с годами все больше отца стал напоминать. Не обличьем, злым нравом. К матери иначе не обращался, как «косоглазая».

Видно кто-то из мужиков надоумил мальчика, рассказал, как геолог его мать величал. Подрос, кулаки в ход пускать стал. Особенно лютовал, если Улинча ему собольи шкурки не соглашалась отдать. Уж больно парень пристрастился к «огненной воде». Вырвет силком у женщины добычу. И бегом в факторию – за спиртом. Такая мена ему удачной казалась.

Выпьет Кольча и ну бахвалиться перед сородичами:

– Все знают, что мою мать Баятай, хозяин тайги, привечает. Показал ей заветную тропу в богатые урочища. А я из косоглазой старухи секрет все одно выбью, стану знаменитым охотником.

И верно, колотил старуху нещадно. Улинча все терпела, от побоев передних зубов лишилась, сморщилась, как гриб после заморозков. Сородичи от нее последний год слова не слышали, хоть и прежде в разговорчивых не числилась.

Заметно сдала бабка Улинча, но попутчиков на охоте и теперь не признавала. Если кто увяжется, приналяжет на лыжах, только ветер свистит вослед.

Но в тот памятный год зима выдалась на редкость голодная и холодная – птицы на лету замерзали, камнем падали на землю. Звероловы из тайги с пустыми руками возвращались. Даже Улинче охотничья удача изменила. А, может, и не в удаче дело. Зверье в поисках корма, а птицы, спасаясь от лютых морозов, искали новые урочища, перевалив через горный хребет, в низину. А старой женщине не хватало сил на дальние переходы, сказались побои. Редко-редко теперь зайцев из силков доставала.

Дележом зайчатины сын занимался. Кусок пожирнее – себе, кости – собакам. Улинче ничего не перепало. Она и не спорила. Молча, захватив берданку и ловушки, вновь из теплого убежища уходила в студеную тайгу.

А тут еще завьюжило, неделю пурга не унималась. Носа из жилища не высунешь, ветер с ног сбивает. Кольча запасенную зайчатину давно прикончил и больше не к завыванию вьюги, а к вою собственных кишок в животе прислушивался. Не по нутру ему их перепляс пришелся. Поднял мать с лежанки, вытолкал из чума:

– Иди, косоглазая, поклонись Баятаю. Да без добычи не возвращайся. Не пушу к огню, так и знай.

Вьюга лютовала еще три дня, наконец утихла. Кольча выглянул наружу: снегу намело по самый верх шалаша, их временного укрытия, следов человеческих нигде не видеть. Покричал, из ружья выстрелил: нет ответа. Чай, сгнула в снегах старуха-мать. Делать нечего, сам на охоту собрался. Свистнул собак, но те даже морды приподнять не смогли, ослабели от голода.

Кольча выбрал направление на восток, где солнце всходит. Помнил, что Улинча всегда в ту сторону на промысел отправлялась. Огляделся. Светло, небо чистое – без единого облачка, снег на свету сияет, переливается разноцветными бликами. Хэх! Обрадовался парень. По свежему снежку на лыжах легко с перевала спуститься.

Но снежное плато таило западни, под рыхлым покрывалом прятало рытвины и расщелины...

Лыжи-суксилэ Кольча обломил, выдираясь из каменного распада, и теперь то и дело проваливался в снег по пояс. Рукавицы из беличьих шкур обронил в самом начале пути, кожу с ладоней содрал в кровь... Повернуть бы вспять, да ветер в спину дует – налетел внезапно из ущелья; все крепчает, швыряет в лицо пригоршни колючих игл... Темнеть стало, а тропы не видеть.

Он беспомощно барахтался в снегу. А ночь подкрадывалась все ближе, заводя темноту, как паук сети. Мороз все громче побряхтывал, расправлял свои скрипучие лапы. Вот-вот стиснет горло Кольче, уже каждый вздох ему с трудом дается. Перед глазами туман. Не понять, то ли впереди лиственница качается, то ли медведь-шатун блазнится*.

Тоска смертная Кольчино сердце сжала. И вдруг видит: мать это ему маячит, манит к себе. Откуда здесь ей взяться? Удивился, но пополз к ней. На локтях, раздирая руки в кровь, рывок за рывком продвигался вперед. Улинча остановится, покачает ему головой призывно, и словно отплывает в темноту. Сын боится ее потерять из виду, собрав последние силы, свое тело на руках из снега выкидывает. И вдруг – сам себе не поверил – на твердой тропе оказался. Наконец-то на непослушные онемевшие ноги поднялся. Только хо-

Блазнится (разг.) – мерещится.

тел мать-старуху нагнать, а она растворилась в воздухе, в последний раз кивнув: иди, мол, за мной.

Тропа, тянувшаяся вниз по склону хребта, вскоре привела Кольчу к зимовью, где были заготовлены дрова. Заботливой рукой припасены спички, соль, строганина*. Он затопил печурку, напился горячего чаю, согрел внутренности. И все на дверь поглядывал. Ждал, вот-вот Улинча бочком втиснется, боясь жилище настудить. Не дождался. Сон повалил его на лежанку.

Сколько спал – не знает. Очнулся. Зимовье давно выстыло, а матери все нет. Вышел наружу, следы оглядел. Только его торбаса на тропе отпечатались, другого отпечатка нет. Вверх по тропе поднялся, нашел глубокую рытвину, прорытую в снегу к тропе собственным телом. Но и тут единственный след – его, Кольчин. Подивился, но голову долго над этим ломать не стал. Тем более охота захватила. Расставил силки, и уже к полудню несколько зайцев попало. А к вечеру удалось подстрелить куропатку. Эх-ма! То-то сородичи позавидуют.

Что ни день, улов все богаче. Не только белки, но соболя да горностаи сами в руки идут. Потка, его сумка из ровдуги, уже плотно набита пушными шкурками, а Кольче все мало. Но на шестой день ни с чем вернулся, и на седьмой – снова пусто. И все ж неймется жадобе, вновь на промысел собрался. Ненароком в спешке споткнулся о собственное ружье, а оно заряжено. Раздался выстрел, пуля висок ему царапнула, в стену зимовья с визгом впилась... Э-ээ! Баятай свой гнев показывает. Хозяин Тайги не любит, когда его избранник или избранница дар другому передают.

Не стоит больше судьбу испытывать, испугался охотник. Домой собрался. Тропа скоро вывела на вершину хребта, откуда рукой подать до знакомых мест.

Удачливый добытчик огляделся, чтобы проход в скальной гряде приметить. Аккурат возле скалы, очертаниями Улинчу напоминавшей, тропка начало брала.

Хэх! С такой приметой не заплутаю, обрадовался. Заспешил

Строганина – мелко наструганное сырое мороженое мясо.

в сторону родного селения. А сородичи по-прежнему от голода пухнут. Кольча пушные шкурки, добытые в кутугунде, заветном урочище полном зверья, на провиант и ящик спирту в фактории выменял. Приволок угощение в свое селение. Начал пьяную похвальбу. Теперь он, полукровка, появившийся на свет из семени бородатого чужака, наипервейший охотник по всей Чарской долине. Баятай с недавних пор не Улинчу, его выделяет.

Сородичи верили и... не верили. Вроде не поспоришь: Кольча единственный в эту зиму с добычей вернулся, спас их от голодной смерти. Но помнили и то, как неохотно он покидал теплую лежанку и брался за ружье. Не иначе, Улинчины охотничьи трофеи за свои выдает.

– Так и быть, – снизошел Кольча. – Укажу тропку, ведущую к урочищу Баятая... Во-о-он, – показал он пальцем в сторону каменной гряды. – Видите, каменная баба скособочилась? Рядом отворот. – Пригляделся и ткнул пальцем левее. – Нет, возле той скалы, кажись, тропка начало берет. Те камня больше с Улинчей сходство имеют. Или... – указал совсем в противоположную сторону, – вон те? Тоже вылитая мать-старуха.

Вскоре сородичи к его поискам интерес потеряли, только смеялись. «М-м-м! – скрипел как от зубной боли парень. – Расквиталась все же со мной Косоглазая. В каждом камне, в каждой скале блазнится».

С тех пор Кольчу у биваков геологов все чаще стали видеть. Он пришлым в тайге людям о своих охотничьих подвигах рассказывал. Те слушали и, случалось, подносили парню выпивку. Изрядно хлебнув огненной воды, сын Улинчи и кудлатого чужака отправлялся на каменную гряду – все же не терял надежды отыскать тропу в кутугунду и утереть нос сородичам. Но как-то, поднявшись на «каменную бабу», так орочоны завал на хребте называют, сорвался вниз. И сломал себе шею.

...Как снег сошел, сородичи отправились на поиски Улинчи. Но ни ее самой, ни тела женщины не нашли. Вот когда орочоны вспомнили о нарушенном Табу. Видать, Тангара, дух гор, упрятал ее под землю. Теперь Уля-кан вечно сторожить черный камень будет.

Зловещая находка

Витька, Толян и Серега составляли неразлучную троицу еще в стенах школы. Впрочем, за глаза их называли иначе: Балерина, Шкаф и Соплежуй.

Витька, тонкий в кости, высокий, как жердь. Но прозвище получил не поэтому: он занимался бальными танцами. Толя, угрюмый, внешне напоминающий сбитый из неотесанных досок шкаф, все конфликты разрешал с помощью кулаков, а они у него были увесистые.

Витьке и Анатолию школьные науки давались с трудом, в дневнике у них пестрело от троек. А Серега, казалось бы, свое прозвище Соплежуй получил незаслуженно. Отличник, мечтатель, си-неокий красавец – любимец девчонок. Но не умел настоять на своем, пасовал перед силой. Одноклассники быстро углядели в нем червоточину.

Друзья окончили десятилетку. Пора определяться в жизни. Витька в хореографическое училище, на чем настаивали родители, поступать наотрез отказался. Он уже порядком натерпелся издевок от сверстников, танцы считались не пацанским занятием. Выучился на тренера по гимнастике – пригодилось умение группироваться и легко двигаться. Толян получил водительские права и гонял самосвал на стройке. Серега грыз гранит наук: учился в институте народного хозяйства.

Девяностые годы они встретили по-разному. Витька тренировал команду гимнасток. Но кризис в экономике ударил и по спорту. Областной комитет физкультуры прекратил оплачивать выезды спортсменов на соревнования. У родителей юных чаровниц кошельки пустые... Витька остался без работы. Серега

трудился экономистом в строительном управлении. Вот только зарплату служащим в стройуправлении уже какой месяц задерживали. Жена все чаще заводила разговоры о разводе. Мол, не в силах на зарплату бухгалтерши содержать еще и его, трутня откормленного. Серега учинил разнос в финансовом отделе своего учреждения, но добился лишь того, что ему объяснили с нервным смешком:

– Ты на улицу, дурень, глянь. Там сотня новоиспеченных экономистов в очереди за работой стоит... так что сиди тихо и не дергайся... И не вечно же кризис длится.

Но он уже, как говорится, закусил удила. Уволился. По собственному желанию. Толян отбывал наказание в зоне. Срок он получил за драку. Но тут вышел указ об амнистии. И троица приятелей опять объединилась.

Все трое свободны, как ветер. Вот только что с этой свободой делать? Что они умеют? Витька – руками-ногами дрыгать, да спорт, как и балет, нынче не в цене. Серега цифры, как бильярдные шары, в голове гоняет. Проку и от этого никакого. Лишь Анатолий звезд с неба не хватал, но оказался в выигрыше: на водителей в любые, даже самые лихие времена, спрос. Поэтому, не сговариваясь, друзья признали его вожаком.

Анатолий предложил рвануть на Север, подзаработать денег – первоначальный капитал и заняться бизнесом «купи-продай». Купи подешевле, продай подороже. Он и нишу для старта подходящую приглядел. Верный человек на зоне рассказал ему, что у северян можно скупить пушные меха за полцены. А если повезет, то и вовсе выменять на водку. Меха в Питере на аукционе нынче в цене. А наш Север для предприимчивых людей – лоханка с рассыпным золотом на дне, черпай, не хочу, подогрел интерес приятелей Толян.

Друзья запаслись палаткой, приобрели примус и теплые спальники. А, главное, добыли несколько ящиков паленой водки – намного дешевле качественной. Но все равно пришлось в долги влезть. Серега на всякий случай захватил в поездку ружье и охотничий билет, который получил незадолго до увольнения:

– Глядишь, на досуге уток постреляем.

В путь отправились в конце марта – промысловики как раз должны были из тайги выбираться: вот-вот снег таять начнет, почва в месиво превратится, тогда звероловы сами легкой добычей оголодавших за зиму медведей станут. До эвенкийского селения добирались на Серегином жигуленке, он еще в бытность свою мозгодумом, как в издевку определил Толян, успел обзавестись личным автомобилем. Стоянку разбили на опушке леса.

Отсюда все тропы к жилью ведут. Ни одна мышь, не то что местные соболевики, мимо не проскочат, остался доволен Толян. Витька с сомнением оглядел горы со всех сторон обступавшие таежное село: троп-то эвон сколько! Но промолчал. Тем более, на другой день ближе к вечеру из тайги вышел первый охотник.

– О-о! Паря, к нам давай вали, – подстраиваясь под местный говор, приветственно замахали руками приятели.

Соболевик недоверчиво покрутил головой, но подошел к биваку. На вид ему было лет сорок. Приземистый, с реденькой бордочкой, с заметно выдающимися скулами.

– Как добыча? – с ходу начал наседать на него Серега.

– Да-а... мало-мало есть. Удякана штуки две-три добыл, однако.

– Соболя, что ли? А сумка-то с верхом набита, – усомнился Витька.

– Ну-у, мужики, сначала гостя дорогого угостить полагается, потом уж разговоры вести, – вмешался Толян. Достал из багажника машины бутылку водки, распечатал ее. Путник, до этого державшийся настороженно, выпил махом содержимое кружки, заботливо поданной ему, и заметно обмяк. Уселся у костра, скинув потку, свою потертую самодельную сумку, пошитую из оленьей ровдуги, на землю. Потянулся вновь за водкой.

– Э-э, хватит с тебя, – остановил его Анатолий. – Мы за просто так не поим.

– Почто за так? Моя меняться будет. Моя скурки много есть. Гарька умеи добывай. Вот, смотли!

Охотник торопливо развязал сумку, начал выкидывать наружу шкурки соболя. Толян сосредоточенно осматривал их, отбирал понравившиеся. Отсчитал десять. Достал из багажника жигуленка водку, по бутылки за шкуру.

– Мало, – не согласился охотник. – Смотри, мех густой, высокий. Селебло, однако!

– Ну-у, как хочешь. – Толян начал медленно прятать водку обратно в машину. Специально тянул время. Гарька жадно провожал бутылки глазами и нервно сглатывал слюну. Когда багажник захлопнулся, со стоном выдохнул: – Моя меняться согласна!

Приятелей уговаривать не понадобилось. Они быстро выпотрошили сумку гостя с раскосыми, словно рысьими глазами. При виде такого разбоя промысловик поник. Пришлось взбодрить его еще одной кружкой спиртного.

Гарька засунул в свою опустевшую потку емкости с сорокоградусной жидкостью, и, ссутулившись, и от этого заметно уменьшившись в росте, нетвердой походкой направился к поселку.

Сергея пожалел его:

– Ни за понюшку табака добычу спустил.

– Мы на Севере, не забывай, – злобно сверкнул глазами Толян. – А тут закон – тайга, медведь – прокурор.

На следующий день удалось обобрать еще двоих местных промысловиков. А третьим оказался... Гарька. Он опять пришел к биваку скупщиков пушнины, теперь уже из поселка.

– Гарька иссо скурка принес. Водка давай.

Толян помрачнел:

– Прошлогодняя добыча, небось? Залезальный товар сбуть хочешь?

– Почто лежалый? – насупился Гарька. – Моя нынеча тайгу ходи.

И в самом деле, шкуры были отменные. Гарька вновь нагрузил свой рюкзак бутылками с огненной жидкостью и пустился в обратный путь. Но на этот раз вел себя иначе. На ходу махал руками, словно приветствовал кого-то, и даже приплясывал от возбуждения.

– Что-то он сильно радуется, – насторожился Толян.

Наутро отправил Витьку в поселок:

– Походи там, разнуюхай, что к чему. Не нравится мне, что этот тунгус сюда зачастил.

– Серега вон без дела болтается, его отправь, – огрызнулся Виктор, вечный кашевар и костровой.

– Скажешь тоже, – усмехнулся Толян. – За нашим сердцеедом следом все сельские девки сюда припрутся, и половина из них беременными от него окажутся... Иди уж ты, Балерина. К кашето пристроился, чтобы чистеньким остаться? Думаешь, не понимаю?

Витька вернулся из разведки озадаченный. В селении жизнь бурлила. У местного сельмага заметил несколько мужчин в охотничьих броднях – явно выходцы из тайги. Видать, соболевика с другого края в село возвращаются, их пост стороной обходят.

Вдобавок, в поселке все встречные жители здоровались с ним, будто сто лет знают. И, главное, улыбались. Сочувственно! Так, будто дурочка или блаженного перед собой видят.

– Не сожрали аборигены, как видите, – отмахнулся от вопросов приятелей Витька. – Я тощий, невкусный.

Добавил ехидно: – А вот вами интересовались. Спрашивали, отчего два других барыги носа не кажут?

– Ах-х, вражина! Ах-х, шкура продажная!.. Гарька это про нас сплетки наплел, – просипел вдруг осипшим голосом Толян.

После весь день до самого вечера молчал, что-то обдумывая про себя. Рано утром растормошил приятелей:

– Сматываться надо, мужики. Жареным запахло. Я опасность за версту чую.

Но тут Витька с Серегой стали на дыбы:

– Мы даже затраты на поездку не оправдали!

Приятели задержались в соболиных краях еще на неделю. И, уже не скрываясь, наведывались в эвенкийское селение. А чего таиться? К ним на бивак уже с десяток промысловиков, как к себе на заимку, приходит.

Через неделю друзья подсчитали улов. Почти полсотни отменных шкурок соболя упакованы в клеенчатые сумки-китайки, и багажник машины до верху пушным мехом набит. С такой выручкой можно в обратный путь трогаться. Напоследок вечером запалили костер, «гоняли чай» – они успели усвоить местный сленг.

Толян, разомлев, взялся подшучивать над Серегой: – Ошибся ваш бородач... этот самый... как его? А! Карл с Марса. Раздуделся: деньги-товар-деньги. Его послушать, так это те самых три кита, на которых мир держится. Как же! Всего-то одно слово подменить: Воздух-Товар-Деньги. И вот они – сумки с мехами... Что скажешь на это, мозгодум?

– Карл Маркс, – лениво поправил дружка Серега.

– А-а-а! – отмахнулся тот, – все равно дурак.

Выехали чуть стало светать. Автомобильная дорога пролегла через глухую тайгу. Ни одного отворота или обводной трассы. Вокруг – сплошные топи. Толян все больше мрачнел. Неожиданно попросил Серегу:

– Если что, прикрой меня. Я судимый, сразу же загребут. И новый срок на полную катушку отмотают.

Как не поверить в чутье Толяна? За поворотом их ожидала засада. В кабине милицейского газика, довольный, потирал руки охотинспектор.

– Открывайте багажник, мужики, – весело предложил. – Конфискуем у вас меха.

– С какой стати?! – возмутился Серега. – Мы их выменяли. Охотники сами нам пушнину принесли. Все тип-топ, обиженных нет.

– А вот это почитайте, – охотинспектор сунул бумаги.

Сереге начал вчитываться... Да не может такого быть! Гавриил Судаков, Парамон Степанов и еще трое сельчан написали в районную милицию заявления о том, что городские купцы обманом выманили у местных звероловов пушные меха. Был указан даже номер его жигуленка. Серега посмотрел на число под заявлениями Гарьки. В первый же день и настрочил! А потом

еще не раз к ним наведывался, улыбался, спиртное выпрашивал.

«Вот от чего гураны так нам радовались! – сообразил Витька. – Погуляли на славу за наш счет. И меха в факторию, как положено, сдадут».

Нервно хмыкнул:

– Съели все-таки аборигены Кука.

– Где четвертый? – насторожился милиционер. – Кук, что ли?

– Шутка это, – буркнул Витька. – Людоеды им закусили. Не здесь, в Африке.

– А-а, – потерял интерес. – На кого протокол оформлять будем?

Кто владелец машины? – деловито осведомился милиционер.

Толян незаметно пихнул плечом Серегу:

– Выручай!

Сергей нехотя выдавил:

– Машина моя.

– Подельники кто?

Молчание затянулось. Серега ощутил на своем плече тяжелую ладонь Толяна, словно стремящуюся вдавить его в землю. Вздохнул:

– Вместе хотели...

– Я вообще не при делах, – неожиданно вмешался в разговор Анатолий. Зачастил: – Соседский мужик, этот вот самый, – указал на Сергея, – самустил охотиться на уток. Мол, самый сезон. У него и ружье при себе имеется. Вы проверьте, гражданин начальник! Проверьте!

– Судимый? – резко оборвал его милиционер, заметив намокшую на тыльной стороне ладони. – По какой статье сидел?

– За драку, – посмурнел Толян. – Но я – чистый, по амнистии вышел. Справка есть.

– На меня одного протокол оформляйте, – решил Серега.

– Геройствуешь? Зря, – пожал плечами охотовед, прислушивавшийся к разговору. – Мошенничество... от суда не отвертеться.

Стражи порядка споро перетащили пушнину из жигуленка в

милицейский газик. Напоследок, проверив охотничий билет и документы на ружье, посмеиваясь, напутствовали приятелей:

– Ну, утятники, охотьтесь... на водоплавающую дичь. Озера-то у вас прямо под боком.

Уезжать не спешили.

Что делать? – соображали приятели. У них бензин на исходе, только-только до станции дотянуть.

– Не можем машину бросить посреди дороги, – нашелся Серега.

– Насчет железяки своей не беспокойтесь, мы ее отбуксируем на станцию, – успокоил милиционер.

Толян выдохнул прямо в ухо Сереге:

– Надо пыль в глаза ментам пустить. Чую, не верят в нашу отмазку. Да и... жрать хочется. Может, и впрямь турпана подстрелим, – вот и заморим червячка.

Двигаем к озерам, решились компаньоны.

Они нагрузились рюкзаками и направились в глубь топи. Но прежде, чтобы не заплутать, приметили крючковатую листовницу у дороги.

– Ну чисто фига сложенная! – присвистнул Витька. – Захочешь, мимо не пройдешь.

Болотными сапогами путешественники не запаслись, ледяная вода быстро проникла в ботинки, матерчатые брюки вымокли и прилипли к туловищу.

Они месили ледяную жижу пятый час. Казалось, забрались на самый край земли. Небо серое, мглистое. Куда ни глянь, топи, да сухие стволы листовниц, как вздетые руки мертвецов, торчат из трясины... Они брели, а за спиной громко чавкала тина, словно заглатывала что-то крупное. Птицу? Но не слышно шороха крыльев. Лишь слышен сухой треск, словно за их спинами кто-то разминает старые кости.

«Что там пьяный Гарька об этих топях болтал?» – попытался припомнить Витька.

В прошлом веке, в тридцать седьмом году случилось, пришедшие начальники собрали местных аборигенов на суглан, боль-

шой сход иначе. Несколько ящиков спиртного выставили. Это тунгусам понравилось: уважили! Мало того! Предложили ихним самахаям, вожакам и шаманам иначе, отправиться в районный центр – поселок Могочу. Пообещались, что там им всем медали на грудь повесят, князьками объявят. При царе такое в обычаях было. Царя, правда, уже давно скинули с трона, но тут, в глухой тайге, об этом еще не знали... Правда, перед кочевьем у шаманов ружья поотнимали зачем-то. Поначалу оленье пастухи не придали этому значения. А когда протрезвели, кинулись вдогонку – на выручку своих ведунов. Да поздно... Следы у марей обрывались. В топи аборигены сунуться не решились.

– Поворачиваем обратно! Сгинем мы тут, в болотине, – не выдержал наконец Витька.

На этот раз Толян промолчал. Потянулся за сухой веткой, чтобы сделать себе посох. И вдруг увидел на островке под слоем грязи непонятные предметы. Очистил их отины. Оказалось, деревянная маска и бубен с натянутой оленьей шкурой. Маска потрескалась от времени, потемнела. И бубен, похоже, перенес не одну зимовку.

– Не трогай! – испугался Витька.

Толян лишь сплюнул в ответ.

– Послушай, Шкаф... Нельзя брать в руки шаманские принадлежности. Осерчает их настоящий владелец, Бугадыл, – не унимался Витька. – Суд учинит. Местные в это верят. Гарька рассказывал...

– Э-ээ! Тунгусы не такими простаками оказались, наши карманы до дна выпотрошили, – вступился Серега. – А вот северные Боги нас пожалели, клад показали... Продадим свою находку и заживем припеваючи!

– Мою находку, – угрюмо уточнил Толян. – И тотчас примерил на себя маску. Не снимал, пока выбирались на дорогу.

Сырая личина сначала мягко обхватила его лицо. Но, подсыхая, все больше сдавливала. Он попытался ее снять. Не поддается. Как вросла! Маску удалось отодрать только вместе с кожей.

Милиционер и охотовед и не думали уезжать, дожидались приятелей на трассе. Поразились:

– Медведь никак с пахана вашего скальп снял?

Они доставили Анатолия вместе с его попутчиками в ближайшую больницу. Там Толяну обработали раны, забинтовали голову, только глаза наружу. Он посмотрелся в зеркало и в сердцах швырнул шаманскую личину в болото. Никто не стал ее подбирать.

А бубен приятели все же оставили у себя. Серега попробовал отбить на нем дробь. Звуки получались глухие, как запаленное дыхание бегущего из последних сил человека. Даже оторопь брала.

В городе путешественники предложили музейным работникам купить шаманскую утварь. Те развели руками. Дар принять готовы, а вот на покупку экспоната у них денег нет. Времена такие: не до культурных ценностей.

Приятели, обойдя комиссионки и везде получив отказ, потеряли интерес к северной диковинке. Отдали бубен Сереге. Он с семьей жил в деревянном доме, предназначенном под снос, есть где хлам хранить.

Сергей закинул бубен за лавку в бане. Но примитивный на вид инструмент словно звал его. От музейных работников Сергей узнал, что шаманы называли свой самодельный барабан «унтэун», небесной лодкой, использовали для вызова духов.

Ун!.. тэ!... ун! Словно сердце человеческое стучит. Но отчего так тревожно?

Серега последнее время пристрастился к бутылке. А выпив, брался за бубен и отбивал дробь.

– Да прекрати ты свои концерты, соплежуй чертов! – не выдержала однажды жена. – Всех соседей перепугаешь.

Теперь, когда Сергей оказался не у дел, жена пилила его, попрекала безостановочно.

– С северов только долги и привез, да еще эту штуку. Толкуто от нее... Хотя бы сгорел твой барабан, – пожелала как-то в сердцах.

Ночью Серега проснулся от всполохов огня. Горела его банька! Но отчего возник пожар? Печку с лета не топили. Электричество

к сараюшке не подведено. Жена обвинила Сергея, что тот бросил непогашенный окурочок. Но он ясно помнил: не курил во дворе накануне вечером!

На месте пепелища остались лишь головешки. И... бубен. Уцелел от огня.

– Дешево отделался! – буркнул Виктор, узнав о случившемся. – Выкинь ты этот переговорник с духами куда подальше.

Сергея добрался до речки. Размахнулся и забросил шаманский инструмент в воду, на самую стремнину.

Он уже подходил к своему дому, когда его нагнал запыхавшийся соседский мальчишка:

– Дяденька, ваш барабан? Мне за ним нырять пришлось. На самую глыбь!

– Мой, – Сергей обреченно кивнул. – Видать, от него не отделаться. – Запрягал бубен в сарай в самый дальний угол.

...Витка после часто вспоминал тот тусклый лишенный красок день в топах. С него начались странные, необъяснимые, порю пугающие, случаи в жизни их троицы. Там начало! Не успел он сам связвить:

– Тренером не получилось, подамся в сторожа. И его на самом деле без проволочек оформили в охранную службу спортивного клуба.

Виктор заметно охладел к прежним друзьям, сторонился встреч с ними.

Но город – не стог сена, а рослый мужик – не соломинка, не затеряешься. Серега наведывался – перехватить деньжат:

– Не опохмелюсь, сдохну. Выручай!

Виктор, скрипя сердцем, протягивал ему четвертной.

Как-то пришел Анатолий:

– Тут, понимаешь, хитрое дельце наклевывается. Как свистну, будь на стреме.

Раны у Толяна затянулись, но рубцы остались. И кожа – серая, землястая. Не лицо – маска. Лишь глаза угрюмо сверкают исподлобья.

Толян нанялся к частнику водить микроавтобус. На выгодные

городские маршруты новичка в своем бизнесе, тертые водители, его напарники, не пустили. «С лица не вышел!» – открыто насмеялись над ним. Смолчал, лишь кулаки сжал, да желваки ходуном заходили. Остряков постарался запомнить. Глядишь, дорожки в безлюдном месте пересекутся.

Маршрут, который ему достался, пролегал по бездорожью в отдаленное северное село. В то самое, где тунгусы-соболевики сыграли с ним и с его бывшими компаньонами, неудавшимися купцами, в «дурака». Толян отнесся к этому философски: кто кого обдурил – того и верх. Радовался: – Баранка не подвела, вдругорядь обеспечила верный кусок хлеба!

Вскоре выяснилось, что кусок-то – с маслом.

Осмотревшись и освоившись, Толян начал скупать у местных жителей лесную ягоду. Хвастался перед приятелями:

– Тут, ежели подсуесться, в короли козырные легко проскочить можно! В городе брусника уходит в три раза дороже.

Сергей просился к нему в напарники. Но бывший дружок лишь засмеялся в ответ: – Э-э, браток, тебе на севера путь закрыт. Ты же «засвеченный». Легавые и охотинспектора с тебя глаз спускать не будут. Зачем мне такой геморрой?

Сереге на суде срок дали условный, учли, что раньше приводов не было. И с прежнего места работы характеристика хорошая. Но Толян его забраковал:

– С Балериной на дело поеду.

На этот раз, похоже, Шкаф замыслил что-то посерьезнее скупки лесных витаминов, понял Витька. Не зря ему подельник понадобился.

Витька сомневался: ехать ли? Заманчиво в раз озолотиться. Но веры в затею нет. Он по горло сыт еще прошлой толяновской аферой: до сих пор долги выплачивать приходится.

Всю ночь проворочался с боку на бок. Под утро забылся коротким тревожным сном. Неожиданно увидел себя... посреди трясины. Он увяз по щиколотку. Барахтается, но погружается в вязкую массу все глубже, глубже... Уже по горло. Он тонет! Болотная жижа засасывает его... А серое затянутое грозowymi тучами небо опускается ниже, ниже... Раскаты грома гудят, грохочат, сливаются в угрожающий вой: Буу – Гаа – Ды-ыл!

Очнулся в испарине. Ох-х! Не к добру видения. Решил схитрить. В последний момент сказался больным. На работу не вышел, а в квартире, сколько Анатолий не ломился, входную дверь не открыл.

В эту ночь Сереге тоже приснился сон. Он бредет по болоту. Вокруг ни души. И все тут враждебно ему. Чахлые высохшие стволы лиственниц нацелились прямо ему в грудь, словно охотничьи пики. А в небе из тяжелых беременных дождей туч вдруг сложилась угрюмая физиономия человека. Да это же... Гарька! Но не жалкий и заискивающий. А насупленный, с сурово сжатыми губами, словно метаящий молнии из своих щелочек-глаз. И молнии метят прямо в него, Серегу, стремясь испепелить его.

...Из поездки Толян не вернулся. Его обнаружили в завалившемся на обочине дороги микроавтобусе. Мертвого. Тромб, надо полагать, оторвался, объяснили случившееся медэксперты. Благо, что порожняком ехал, никто больше не пострадал. Объяснение всех устроило, глубже копать не стали.

Виктор выезжал на место гибели вместе со следователем. Газик затормозил. И Витька похолодел. Они остановились возле приметной крючковатой лиственницы. Здесь, в гиблой трясине, Толян когда-то отыскал бубен и маску... Шаман утащил его за собой в Нижний мир? Не захочешь, да начнешь верить в такие совпадения.

У Толяна осталось два сына, один учился в техникуме, второй еще на горшке сидел. Вдове одной их не поднять.

После похорон Серега и Виктор, не сговариваясь, подошли к ней. «Ты это... Если невпродых будет, обращайся». Но женщина в страхе замахала руками:

– Все из-за вас, проклятых, случилось! Видеть вас не могу.
Мужики поникли.

Месяц спустя Витька все же отыскал старшего парнишку: – Ты, студент, мать жалеи, она от горя сама не своя. Да и права она. Тятка твой за наши общие грехи расплатился.

– Как это? – поразился подросток.
– Позже поймешь.

Виктор устроил парня в секцию бокса в спортивный клуб, где сам работал охранником:

– Драчливый ты, как погляжу. Только ни к чему судьбу отца повторять. Тут, под присмотром, особо не забалуешь.

Но вскоре тренер по боксу остановил Виктора:

– Занятия платные. Ты уж извиняй: мне семью кормить надо.

Выручил Сергей. Гибель Анатолия словно встряхнула его. Он бросил пить, устроился в домоуправление электриком. Да еще по выходным дням левые заказы брал, этот неучтенный женой заработок, не сказавшись ей, относил старшему сыну Толяна:

– Матери отдай. Скажи, что профком таксистов помощь вашей семье выделил. Поверит. Она – советской закалки.

О шаманском барабане Сергей не вспоминал, не до концертов стало. Но как-то бубен попался ему на глаза. Он со страхом, казалось, навсегда поселившимся где-то у него внутри, выбил на нем дробь. И поначалу не поверил себе. Унтэун молчал. Попытался еще раз. Извлек лишь глухие звуки: тэ!... тэ!... тэ! Словно удары человеческого сердца. Уставшего. Но примиренного с жизнью.

Они прощены?

Подсказки Сихиртя

Наша съемочная группа заехала в эвенкийский поселок Кыкер в надежде обзавестись проводником. Нам хотелось попасть в горы, где на скалах сохранились рисунки древних людей.

– Людей Сихиртя, – уточнили местные жители: – Наши праотцы лишь камни затесывать умели, а там такое высечено... без лазера не обошлось. Да сами увидите!

– Кто такие Сихиртя? Э-э! Как бы вам объяснить? – почесал затылок местный фельдшер Илья Ильич Брагин, скуластый сорокалетний мужчина, в родове которого была явно примешана тунгусская* кровь. – Сихиртя, народ ушедший жить под Землю...

– Гномы что ли? – Вроде того, – буркнул Брагин. И резко сменил разговор. – Разве вот Ковыкто поведет вас на гору Темного духа, к древним писаницам, – указал он на тщедушного, словно истаявшего, как льдина по весне, старика, сидевшего на завалинке деревянного дома. – Больше смельчаков не сыскать. Местные отчего-то уверовали, что Сихиртя допускают на горное плато лишь шаманов.

Хмыкнул:

– А наш Ковыкто от трясушки распоследних пропойц избавляет. Чем не целитель? Саман**, одним словом.

Говорил так, словно подначивал старого тунгуса. Вызывал на ссору. Но Ковыкто не реагировал на словесные уколы сельского лекаря. Невозмутимо курил трубку.

*Тунгусы – так до 30-х годов XX века называли эвенков.

**Саман (эвенк.) – шаман.

В горы пойти старик согласился без уговоров. На сборы ему понадобилось всего полчаса: – Но! Кого тут идти-то. Километров тридцать, не боле.

Меня смущал преклонный возраст провожатого: на девятый десяток перевалил, как никак. И взгляд. Временами – отрешенный.

– Ковыкто свой предел видит, – флегматично объяснил фельдшер. Заметив, что я поежилась после таких слов, успокоил:

– Старик, коль надумал с вами в горы идти, сдю-у-жит. Ни за что не умрет, пока сам себе не позволит.

Не очень успокаивающе звучит. Но... выбора у нас нет.

Наш престарелый проводник для дальнего похода явно прифрантился. На нем помятый матерчатый костюм, пошитый, похоже, еще на фабрике «Большевичка» в прошлом веке. Пиджак на пару размеров больше требующегося и оттого свободно болтается на исхудавшем теле старика, да и брюки велики, штанины подвернуты; лишь на ногах по тунгусскому обычаю – меховые облегающие омчуры, легкая не промокаемая обувь.

Старик на удивление бодро шагает по едва заметной, заросшей травой тропе. И взгляд у него цепкий.

– Но! – отмахивается он от предложения устроить привал. – Еще и половину пути не одолели.

Заметил свежие затесины на сосне. Остановился. Внимательно осмотрел их. Проронил:

– Борозды на стволе дерева – следы от когтей медведя. – Ножом оставил зарубки пониже. Объяснил: – Амаку, медведя, уважить надо. Показать, что признаем его хозяином. Иначе рассерчает, беда как сильно.

Леха, оператор, заметно побледнел. Потянул меня за рукав: – Вернемся? Наш провожатый на медвежатника не тянет. А медведи, слышал, с человека скальп снимают.

– Ты больше рассказы разных трепачей слушай, косолапые сейчас сытые, добрые, – обрываю своего спутника. Отступить уже поздно.

В нашем престарелом проводнике не видно ни страха, ни суевеливости. И мы тоже успокаиваемся. Хотя... ружья у нас с собой нет.

Наконец показались скалы. На этот голец подниматься надо, выбрав самый иглистый и на вид неприступный, указывает Ковыкто.

Но вот незадача! В самом начале подъема мой неизменный спутник в командировках телеоператор Алешка поскользнулся, подвернул ногу.

– Муу еро! – посмурнел старец. – Худая примета, однако. Нельзя чужакам к сакральному месту приближаться.

Ковыкто настоял оставить Леху у подножия горы.

Продолжаем подъем. Теперь только вдвоем со стариком. Идти приходится осторожно, каждый раз пробуя почву ногой. На козьей тропе таятся острые останцы и пустоты надежно замаскированные мхом. А тут и вовсе на пути каменная осыпь попалась.

– Ты, девонька, когда наземь ступаешь, вес тела на ту ногу перекидывай, что опорой служит, – учит меня опытный таежник Ковыкто. Он-то через осыпь перебрался словно играючи.

Неожиданно за крутым подъемом появляется ровное плато, словно специально высеченное в горной породе. Словно аэродром, невольно пришло сравнение. Точнее, космодром. Впрочем, время постаралось и порядком намусорило на этой посадочной площадке – местами в беспорядке нагромождены каменные завалы из скальных осколков. Поднимаю один, попавшийся под ногами. Внутри видны глубокие борозды. Широкие и тонкие линии складываются в причудливый узор. Но какой мастер ухитрился разместить эти непонятные голограммы в чреве камня?.. От головоломки отвлекли петроглифы на склоне почти отвесной скалы, в которую упирается плато. Что там изображено? Люди-головастики с глазами-фарами и с усиками на затылке. Или это у них шлемы с антеннами?

Пораженная небывалым зрелищем, на время упустила из виду своего провожатого. Оглянулась, разыскивая его. Но что это?

У нагромождения камней Ковыкто упал на колени, благоговейно протянул к ним руки. Расслышала его хриплый возглас:

– Суруктаах Хай’а!*

Со старого тунгуса вмиг слетел налет цивилизации, как глазурь с яйца. Передо мной дикарь, истово поклоняющийся своим божествам. А мешковатый, свободно болтающийся на теле, пиджак вполне заменяет ему накидку из шкуры добытого в поединке зверя.

Ковыкто неустанно бьет поклоны. И откуда только силы берутся?.. Наконец, пятясь, отползает от «немоговорящих камней», он так называет пронизанные внутри нитями, словно вспышками молнии, останцы – их тут, на плато, много.

– Что в твоём послании? – опасно всматривается в сколок, что я подняла на гранитном уступе. А внутри камня извилистые линии, нет – волны, накатывают одна на другую...

«Цунами?» – пытаюсь угадать. Дед вздрагивает и втягивает голову в плечи.

Неожиданно чистое до этого небо заволокло тучами.

– Все! – уперся Ковыкто. – Тангара, дух горы, тучи притянул. Возвращаться надо.

Пытаюсь возражать. Но старик неумолим. Да и прав оказался... Начал накрапывать дождь, расходится все сильнее. И вот сверху хлынули потоки, целые водопады. Того и гляди, нас смоеет с каменного плато, как соринки с ладони... Теперь понятно, отчего местные жители опасаются посещать это место.

Пришлось спешно спуститься к подножию гольца. Но непогода, к счастью, оказалась кратковременной, вскоре небо разъяснело.

Тайга, омытая дождем, словно живое существо, глубоко дышала, ухаля, отряхивалась, окатывая нас при порывах ветра, водяной баней. Не мешает и нам обсушиться и о ночлеге позаботиться.

Установили палатку. Развели огонь.

У костра, попив горячего чайку, Ковыкто размяк и неожиданно огорошил признанием:

Суруктаах Хай’а! – Так древние северные народы приветствовали каменных идолов, которых обожествляли.

- С отцом повидаться решил. Напоследок. Чую – зовет.
- А чего в горы направились? Вроде, в стороне от кладбища, – в недоумении пожал плечами Леха.
- Э-ээ... не понимаешь. Тут, в расщелинах скалы, не сами останки, сущность Шолеула упрятана.
- Как это? – опешил Алешка.
- Отец саманом был, после ухода в мир иной свою силу шаманскую в черепае заточил. Но все, кто знал потайное место, ушли к Верхним людям. Так что показать тайник некому... Разве люди-Сихиртя укажут.

Заговаривается, – показал жестаами из-за его спины Алешка. Он был разобижен на нашего проводника, что тот не хотел брать его в горы: – Тебе путь закрыт, паря.

Старик подбросил хворосту в костер, пристально вглядывается в пляшущие языки пламени. Одна из тлеющих головешек зашипела и погасла. Ковыкто вздрогнул, словно знак какой-то в этом углядел. Заговорил, торопясь. Хрипло. Прерывисто:

– Началось все с коллективизации. Собрания чужого добра в один карман, иначе. Тунгусы, владельцы одомашненных сокжоев*, не обрадовались такому обороту событий, кинулись к своему духовному поводырю за советом.

Мой ами, отец по-нашенски, на ту пору с собственными оленями укочевал к горам, где можно переждать разгул гнуса. На обветренных горных площадках комарье и овод не страшны.

Думаю, не случайно выбрал место стоянки. На скалах время пощадило от разрушения древние рисунки. Неизвестный мастер выбил на гранитной стене силуэт волка с ветвистыми рогами на лбу, а над ним то ли летящая крупнокалиберная пуля, то ли какой-то предмет из арсенала Небесного Кама с вырывающимися из днища клубами пламени и шаманские лики-маски с расходящимися от них лучами... Здесь Шолеул черпал силу, здесь его посещали видения.

...Ковыкто – рассказчик искусный. Вскоре мы с Алешкой за-

Сокжой (эвенк.) – дикий олень.

бываем, что сидим у костра. Мы в центре событий! Вместе со встревоженными орочами взбираемся на голец с сакральными знаками-подсказками...

– Посланцы рода Вакурай и рода Бултагир вскарабкались на кручу. Шолеул словно ждал их. Он долго курил трубку, разговаривал с кем-то невидимым. Потом сплюнул желтую слюну на камни под ногами, сказал:

– У пришлых начальников ружей много. Однако в вашу сторону дула направят, если на дыбки встанете... Время придет, они сами олешек возвернут. Только не скоро это будет. Вы не доживете, я не доживу. Внуки дождутся.

Опять долго прислушивался к своему невидимому собеседнику. В досаде махнул рукой:

– Но! Пошто пугаешь, паря? Знать, так на моем роду написано. От смерти бегать не буду.

Остановил взглядом испуганных его последними словами со-родичей:

– Сворачивайте чумы и отправляйтесь в глухие места, где пуля не догонит. Тайга и спасет, и прикроет. Кочуйте поврозь – малолюдными группами, так ловчее укрыться от чужаков.

Разве угонишься в тайге за быстроногими орочами? Оленьи люди тропы потайные знают, проходы через мари... Оленьих пастухов не преследовали.

Но вот на самого Шолеула служаки злобу затаили. Не он, тунгусы послушно в стадо сбились бы.

Вот только провидец отчего-то не поостерегся, – восстанавливает события прошлого наш проводник. – Прикочевал в селение за спичками, солью, мукой. Меня, мальчика, с собой прихватил... Чутье потерял? Или заранее знал час своей смерти и не захотел прятаться?

У кочевников принято при встречах с чав-чывом, оленьим пастухом иначе, на тропах странствий сделать остановку, раскурить сообща трубку, обменяться новостями. Став оседлыми, орочы привычек не поменяли. Мужчины, не занятые охотничьим промыслом, сходились по утрам у магазина, устраивались на

бревне на берегу реки неподалеку от входа в сельмаг и перетирали последние новости.

Вот и в тот раз бревно не пустовало. Шолеул подсел к сородичам, раскурил трубку. Один из курильщиков обрадовался: – Объявился наконец. Где сейчас кочуешь, паря? Добежать к тебе хочу. У моего парнишки нарывы по всему телу пошли. Возьмешься поправить?

Шолеул ответить не успел. Кто-то из посетителей сельмага, комсомолят, им было велено вести борьбу с иноверцами, сообщил гэбистам о появлении в селе шамана. Саман увидел: из-за угла на него наставлено ружейное дуло. А вот и пуля летит-свистит. Его пуля.

Ковыкто замолкает. И мы с Алешкой молчим, словно придавленные услышанным. Боимся потревожить старика: пусть останется наедине со своей болью.

Но наш провожатый продолжает рассказ. Правда голос его потух, как и угли прогоревшего костра. Он говорит глухо, с трудом выталкивая слова:

– Меня тунгусы сумели тогда упрятать. В тайге. Иначе, хоть и всего-то пять лет от роду было, не сдобровать. Гэбисты как судили? От волка щенки только серые рождаются, в другой цвет не перекрасить. Отца моего волком-перерожденцем считали... Сородичи увезли меня подальше от родных мест – в Якутию, сдали в пришкольный зверинец... Тьфу ты! В интернат для детей-эвенков.

Поначалу в моей судьбе все вроде гладко катилось. Окончил десятилетку, следом – педагогический институт специально открытый для северян в Ленинграде. Там оставляли, в аспирантуре. Но... не мое это. Я только в тайге себя живым, настоящим, чувствую... Вернулся в насиженные родичами места. Учителем встал, – завершает экскурс в прошлое Ковыкто. Он утомился. Под глазами темные круги образовались – при свете фонарика заметно, как осунулось, посерело лицо старика.

Я делаю знак Лехе: оставь деда в покое. Но тому неймется:

– Чему обучал детей?

Старик молчит, опять отвлекся на костер. А ветер тем временем раздул остывающие угли, и головешки вновь заалели... Ковыкто встрепенулся. Продолжил разговор:

– ...Учил чему? Русской азбуке. А после обязательных занятий беседовал с ребятишками на родном, эвенкийском языке. За это на меня шибко косились. Мол, учителя просвещать должны тунгусов, а не тащить их обратно в пещеры. Нашли удобный способ избавиться избрали в сельский совет.

– Так повысили же...

– Но! В начальниках, было дело, ходил, – дробненько засмеялся старик. Казалось, силы понемногу возвращаются к нему. – Ничего для себя, правда, «не выходил». Вот только этот костюм, что на мне, – подарили, когда на вольные хлеба спроваживали... Впервой нынче его надел.

Усмехнулся: – Мы, ороконы, в президиумах сидели для видимости. Как подсадные резиновые утки на озере. И рта не раскрывали. От робости. Да из боязни, что высмеют за неумные речи. Только подписи свои в казенных бумагах и ставили.

В голосе старика неожиданно появляются стальные нотки, словно обрел второе дыхание:

– Я вот не утерпел. Взялся доказывать на бесконечных заседаниях, что не след эвенкийских ребятишек в клетки на зимовье сгонять, как заморенных лис на звероферме. В тер... ин-тер-наты ихние. Тьфу! Слово-то какое крученное, не выговоришь.

Похоже, досада не перегорела до сих пор. – Ить что деется-то! – горячится Ковыкто. – Дети от земли, от тайги оторваны. Своих единокровных мать с отцом только по фотографиям на тумбочке в спальнй комнате знают. Амикана*, прародителя рода нашего, не почитают... Как им оленей доверить? Как в тайгу без выучки отправлять?

– Проняло чиновников?

– А-ааа! Где там.

Амикан (эвенк.) – дедушка, иносказательно – медведь (эвенки считали в древности медведя своим прародителем).

Ковыкто раскурил трубку. Сделал несколько затяжек. Вернулся к разговору:

– Вытурили из педагогов, и к лучшему... Как людям моего племени в себя поверить, да удачу заарканить – научить не в моих силах было. Без Знающих тут не обойтись.

– Саманы-провидцы, – старец прищурил и без того узкие глаза, метнул в нашу сторону неожиданно острый взгляд, – знали и умели многое. А сокровенные знания получали от Учителей, обитающих на Луне. От самих Небесных посланников.

Понизил голос, словно опасаясь, что его кто-то подслушивает: – Небесные странники и сами к нам на Землю спускались. В этих вот самых горах, – указал на голец, у подножия которого мы таборились, – они пристанище себе когда-то устроили. Вроде как исследовательскую станцию. Но радиация им губительна, под Землю ушли. Там укрылись. Стали народом-Сихиртя, населили подземные пещеры.

– Откуда знаю об этом? – переспрашивает Ковыкто. – А вот картинки на скалах – подтверждение... Да ты, девонька, все своими глазами видела, – обрывает наши расспросы. Продолжает свой диалог. Похоже, не с нами – со своим отцом:

– Это еще до той распроклятой коллективизации было. Шолеул как раз от своего деда шаманский посох принял, проходил посвящение... Люди Сихиртя обычно подбрасывали испытуемому камень с выбитым внутри посланием. Поймет? Быть ему собирателем миров. Не постигнет смысла послания, беда или черная немочь и его самого, и сородичей как языком слижет... Шолеулу попался тогда на глаза занятный камешек. Внутри него переплетались ломаные линии, словно языки пламени плясали... «Что бы это значило? – гадал. – Неуж огонь из подземных коптителен прорывается наружу?»

Медлить не стал, увел ороchon на дальние уголья. А земля в наших местах и впрямь вскорости затряслась, огонь вырвался из Нижнего мира, пошел гулять по тайге, губя все живое.

– Сказки про вещие камни... читал в детстве. Ваш отец, скорее всего, следил за живностью, – поскучнел Леха. – Забеспокои-

лись мыши иль сурки? Норы свои покидают? Жди землетрясения. Это сейчас любой школьник знает.

Ковыкто, казалось, ждал именно этих слов. Хитро прищурился:

– Слышали, поди? Улонхо, так шамана на реке Тунгуске звали, загодя предупредил своих сородичей о падении болида в тайге. Спас их, вывел в безопасное место. Откуда проведаль о горюч-камне с Неба? Люди Сихиртя, не иначе, ему наводку дали.

Ковыкто умолкает, беззвучно шевелит губами. С сомнением смотрит на нас. Казалось, решает для себя трудную задачу: говорить дальше или нет? Наконец безразличным голосом произносит:

– Мой ами, отец иначе, как в силу вошел, тоже с сихиртянами накоротке сошелся. Они на Луну его с собой не единожды брали.

Алешка за спиной Ковыкто подмигнул мне:

– Опять чудит старик.

Уже стемнело. Тучи развеялись. Яркие звезды, словно искры от костра, разлетелись по небосводу. Мохнатые сосны разлапились, казалось, медведи на дыбы встали, заявляя свои права на предгорье.

Спать совсем не хочется. Слушаем старца. Алешка, хоть и напустил на себя маску скептика, тоже притих, боится проронить хоть слово из сказаний тунгуса.

– А дар целительства? – продолжает Ковыкто неспешно нализывать свои воспоминания на видимый только ему стержень, словно куски оленины на шампур. – Откуда берется? Знать, Сихиртя незримо самана ведут, неземные, нездешние знания ему в голову, в руки вкладывают...

Помню, отец как-то взял меня к занемогшему эвенку. Тот в жару мечется, а мой ами знай себе в бубен бьет. Час-другой, третий... до полного изнеможения. Глядь, а грудь у больного все тише и тише вздымается, и вот он впадает в сон. На другой день просыпается – здоровый!

Отцовская колотушка, помню, отбивала о бубен спокойный ритм. Тук! Тук! Тук!.. Так! Так! Так!... Кровь остужалась, в обычные

берега входила, и следом сердце занедужившего сородича, – не знаю почему, но настраивалось на нормальный, здоровый ритм.

А, может, – запнулся рассказчик, – дело совсем и не в крови. В биополе человека – его тоже перенастроить можно... Не понаслышке об этом говорю, сам к неизвестному прикоснулся.

Тормошим старика:

– Так вы тоже, оказывается, шаманили?

– Но! – отмахивается он от вопроса, словно надоедливое комарье отгоняет. – Какой из меня шаман? Отец-то не успел секреты целительства мне передать.

– А кыкерский фельдшер в обиде на вас, что переманиваете у него пациентов. К вам со своими болячками сородичи спешат, не к нему.

Старик, довольный похвалой, соглашается:

– Но! Иногда брался помочь людям. Как это делал? Сам не знаю. Руки вот откуда-то знали.

И пускается в воспоминания:

– Помню, отправили меня перед всесоюзными выборами в дальнее село – агитировать за кандидатов. Их знать не знал, сроду в глаза не видывал. Но... поехал. Как откажешься? Это в семидесятые годы было. Едем на «Газике», я – единственный пассажир. А дорога неблизкая, путь утомительный, уже часов пять колесим, пыль глотаем, и еще столь же осталось. Вижу, водитель сам не свой. То и дело виски трет. Дальше и того хуже. Глаза мутные, лицо кровью налилось. Мычит от боли... Я ему говорю: «Ну-ко, тормози». Выволок его из кабины, у него уже ноги отказывались служить, усадил на полянку. Давай массаж ему делать.

Тут надо объяснить, что эвенкийский массаж резко отличается от традиционного, европейского. Это и не массаж вовсе, а... перемещение биополя человека, иначе и не скажешь. Мне однажды довелось испытать это на себе. Прыгала на ходу из рабочего поезда в очередной командировке к строителям БАМа – там, посреди северных топей, не было остановки, машинист лишь замедлил ход паровоза. Но не удержалась на ногах, упала. Пришла в себя, лежу на земле. В голове гудит. И... ничего не помню. Кто я? Где я? Как го-

ворится, память отшибло. Путьекладчики, оказавшиеся к счастью по близости, привели меня на эвенкийское стойбище. Какой-то старый эвенк беспощадно месил мне голову, словно тесто, казалось, перемещал местами затылочные и лобные кости. «Все! Конец!» – ухнуло в ушах. Но свинцовая тяжесть в лобной части и боль постепенно ушли, и накрыла усталость. Услышала:

– Теперь поспи, – и... темнота. Проснулась. Провала в памяти как не бывало. Эвенкийский лекарь – или гончар? – вернул меня к жизни.

Но что там Ковыкто рассказывает?

– Смотрю, водитель мой в себя пришел. Озирается по сторонам. Говорит: «Я, похоже, умирал. Почти умер уже. А сейчас в голове просветлело, я как наново родился, свежим и бодрым себя чувствую... Объясни, сделай милость, как ты вернул меня с того света? Ты целитель, никак?» Наказал я тому мужику строго-на строго молчать, что я ему помог. Поехали дальше. До места добрались благополучно.

Ковыкто выдохся. Замолчал. Долго отдыхал, прикрыв глаза. Мы не тревожили его. Наконец встряхнулся. Чиркнул по мне взглядом:

– А тебя я помню. Как же! Изменилась, но голос – прежний. И запах знакомый... Приводили тебя ко мне, я тогда на Сьюльбане оленей пас... Успели вовремя: у тебя душа из последних силенок в теле удержаться пыталась.

– О чем это он? – не понял Алешка. Но я не стала объяснять.

Наутро у Лехи нога отекала, его знобило – не оставишь без присмотра. Ковыкто один ушел наверх, к писаницам. Его не было до полудня.

Вернулся наконец. Хмурый, поникший. На все вопросы отмалчивался. Сел в сторонке. Открыл свою потку, потрепанную, выдавшую виды тунгусскую сумку пошитую из выделанной шкуры оленя, достал оттуда холщовый платок, бережно разгладил его... Но этого линялого полотна у него не видела раньше! Котомка проводника была полупустой, в ней старик хранил лишь щепоть чая, табак, спички и пластину застывшей горной смолы, мумие, неизменное средство таежников от переломов и ушибов.

Неужели нашел спрятанный в скалах череп? В этой тряпице, скорее всего, соплеменники укрыли мощи шамана от чужих глаз.

Спросить не решилась – лицо старца было непроницаемым. Он отрешенно махнул рукой в сторону поселка:

– Возвращаемся. В горах рано темнеет.

Как мы ни упрашивали задержаться еще на сутки, Ковыкто не изменил решения. В дороге наш проводник не проронил ни слова. Походка его заметно потяжелела. Но брел, не останавливаясь. Лишь единственный раз у кучи темных катышек на тропе прервал молчание:

– Э-ээ, бай-е! Вот оно что... амака за нами следом шел. Это его испражнения, вчерашние. Вот тут в сторону отвернул, своей тропой направился.

Вдали послышался лай собак. Неужели добрались до поселка? На самом деле, печные трубы торчат из крыш деревянных домов. Приветливо дымят нам навстречу.

Ковыкто придержал меня за локоть. Мы отстали от оператора Лехи, рвущегося к домашнему теплу. Но что это? Дыхание у старика прерывистое, и голос дрожит. Говорит с трудом, делая остановки, переводя дыхание:

– Я ить заблукал на гольце. Солнце в зените, а мне темнеть стало. Мушки с панталыку сбивали. Вот, опять эти мушки проклятые налетели – в глазах рябит... Только платок и нашел в каменных завалах... Но не за ним, за черепом шел.

Я только и нашлась что сказать:

– Что за печаль? Это – кости. Всего лишь истлевшие кости.

До сих пор стыдно за свои слова.

Ковыкто впервые за время нашего знакомства растерялся. Еле слышно произнес:

– И ты. Тоже не понимаешь.

Взял себя в руки, терпеливо объяснил:

– Слышала, небось? Эллей*, прародитель древнего народа Увань, теперь их поросль эвенками называют, носил везде с со-

Эллей – мифический прародитель народа Саха (Якутия).

бой кожаную сумку с черепом своего отца. Не зряшно это делал. С ним в сложных ситуациях совет держал и становился сильным вдвойне... Вот и моим сородичам заступник нужен... Камешек-то свой найденный на плато помнишь? Никак наводнение пророчит. Не ровен час, народ-Сихиртя на помощь звать придется.

Старик надолго закашлялся. Отдышался. И твердо произнес:

– Тебе надо на поиски идти. Ты моя должница. Видно, для этого спас когда-то.

...Через год, приехав на Север, узнали: дед Ковыкто вскоре после нашего совместного похода к древнему святилищу тунгусов отправился в страну печального Заката. Просил перед смертью снарядить его охотничьим ножом, котелком, спичками. И пачкой байхового чая:

– Сельмага там, однако, нету, – объяснил свою прихоть. – А я буду в Верхнем мире с прежними друзьями на охоту бегать, после – чаи гонять.

Односельчане выполнили его просьбу.

– Да! А это старик тебе завещал, – передали мне ветхий от времени льняной платок. Тот самый, что Ковыкто отыскал в скалах. И гладкий камень. Помню, старый идолопоклонник поднял его на горе Темного Духа, упрятал в свою сумку. Внутри окатыша полосы – или таинственные знаки Сихиртя? – сбегались в одну точку, словно указывали на вход в пещеру. Неужели подсказка, где искать мощи шамана?

– Алеха! – обратилась я к телеоператору. – Ты еще не передумал рисунки древних людей снимать? И встреча с амиканом не пугает? Тогда собирайся, на рассвете выходим.

Внук шамана

– Как отыскать Александра Романова, – первый вопрос, что задают заезжие гости, прибывшие в северное селение Неляты с «Большой земли». – Наслышаны, наслышаны про вашего целителя-тунгуса. Слух есть, аж со смертного одра поднимает покойничков.

– Муравьеда? – переспрашивают местные. Уточняют, заметив замешательство приезжего люда. – Ну, деда Алексашку иначе... Романова. Эвон дом, на самый взгорок забрался – там ищите.

И, словно впервые заметили, в изумлении добавляют:

– Такой же домино, как и его жилец – характерный.

Северяне диву даются: чего это ученые мужи хватаются за диктофоны и записывают рассказы деда. Не уж всерьез его бредни принимают? Теряют, пытаются, как тунгус из Нелят, села, робко, по-старушечьи притулившегося на высоком берегу Витима, заполучил царское имя и фамилию.

– Тут такое дело, – кряхтит Алексашка. – Оленных людей в начале XX века крестили. Тунгусы крещению не сопротивились. Бога пришлых людей – Христа, как своего, приняли: на Небе места всем хватает... Моего деда тогда батюшка-миссионер тоже в воды Витима окунул. Оберег, металлическую перекладинку, на шею ему повесил. А запас русских имен исчерпал, видать. «Ты у нас – шаман, стало быть, верховный правитель», сьерничал. Церковное имя ему дал в честь тогдашнего российского царя.

– Но у нас, тунгусов, второе, истинное, имя имеется, – уточняет нелятинский знахарь. – Оно сущность человека выражает. Предка моего сородичи Амиканом, человек-медведем называли.

Есть второе имя и у старика Романова. Местные его кличут Муравьедом. За дотошность и упористость.

Сегодня дед явно не в настроении. Отказывается принимать гостей.

– Приболел я что-то, совсем ослаб, – кряхтя, с трудом слезает с лежанки.

Ему далеко за семьдесят. И впрямь, возраст немалый. Но к докторам за помощью не спешит.

– Э-э! Пустое. Двигаться надо, организму сигнал дать, чтобы скрытые ресурсы запустил в ход.

Собрал котомочку с банкой тушенки, котелком, спичками. И ушел к гольцам. Вернулся к вечеру. Не с пустыми руками. Принес в заплечной сумке разные травы. Вылазки в горы повторялись несколько дней подряд. Через неделю дед забыл о хвори. Взялся диктовать заезжим ученым свои рецепты.

– В университетах штаны не просиживал. Но кой-каким фармацевтам да больничным лекарям фору дам. К примеру, знаю, как от нестерпимой зубной боли избавиться. Тут «физика» нехитрая...

– Р-раз... и нет зуба. Отболел, – со смешком встревает в разговор один из слушателей.

– Зуб выдирать не требуется, всего-то настоем мухомора пополоскать, – нахмурился дед. Заметив немой вопрос на лицах собеседников, пускается в разъяснения. – Мухомор – гриб ядовитый, оно конечно. Но заметьте, шаманы, нашенские, тунгусские, оленью мочу в грибной сезон глотали аж по туесу за раз. Особливо перед камланием и ритуальной пляской. Настойка мухомора им куражу добавляла, они, словно на крыльях, поднимались над очагом в чуме и над самим чумом. Самые прыткие аж до Луны добирались... Правда, не всем вертаться удавалось... – кто перебрал, – отсекает колючим взглядом вопросы. Дед умеет при случае подпустить холода, словно ледяной завесой отгораживается от собеседника.

– Это еще пустяки. Я эликсир жизни открыл, – заговорщицки сообщает он участникам этнографической экспедиции на Север. – Состав? Э-ээ...

Чешет темечко, будто припоминает:

– Лист брусники, побег чабреца. Чагу непременно добавляю.

Ну и кой-какие малоизвестные науке травы. Настояшь, выпьешь и пару лет, как пить дать, с плечей скидываешь. А? – крутит довольно головой.

Заметив, что его слушатели схватились за блокноты, добавляет к сказанному:

– Вся «физика» тут в том, что моя аптека – природная. Присматриваюсь, какие травы и корешки дикие звери жуют. Как свои хвори и поломки лечат... Куда, спрашивается, волк направится, если лапу сломал? К гольцам. Там живительная горная смола есть: мумие. А зверь нутром чует, как себе помочь.

– Вот серых взять. Волков то есть, – оживляется дед Алексашка, словно, как в молодости, заарканил сокжоя. – У-уу! Умнейшие существа. Я с одним в глухой тайге на узкой тропе встретился. Хвостатый вырос передо мной внезапно, словно из воздуха материализовался – ни одна веточка вокруг не шелохнулась, ни единого шороха не раздалось. Крупный, матерый. И прямо мне в глаза вперился, будто все мои помыслы, явные и тайные, считывал...

Замолкает, весь в воспоминаниях:

– А я в тайгу належке хожу, все, что есть при мне – поняга за плечами. Серый понял, что я – травосборник, безобидное существо для ихнего брата; и снова растворился в воздухе. Исчез также бесшумно, как и появился. Я даже испугаться не успел... После уже, как его след остыл, испариной покрылся.

Старик долго беззвучно шлепает губами, словно боится обжечься просящимися наружу словами. Наконец решается:

– Хвостатые – они разумные. Не уступают человеку. А в чем-то и фору дадут. Как иначе? Допреж человека Землю обжили. Они и нашему древнему предку помогли обустроиться на Севере – охоте обучили, показали, как оленя приручить.

– Это как понимать? Небесные наставники, что ли?

– Понимайте как хотите, – поскучнел дед Романов, уловив в вопросе иронию. Вернулся к своей собственной истории. – Я-то почему при встрече с матерым волчищем уцелел? Думаю, неподалеку логово с прибылыми щенками находилось, а волки-роди-

тели людей близ своих жилищ не трогают. Опасаются, что звероловы в отместку волчат порешат.

Решил все же отстоять авторитет серых перед заезжими гостями:

– У нас на Севере одно время с вертолетов, летающей смерти по-нашенски, на волков охоту открыли. Эти, как их, новоиспеченные богатеи с золотыми цепями на шее. Арендовали винтокрылые машины и устраивали настоящие боины с воздуха... Поначалу-то бойко дело у них пошло, а потом застопорилось. Вертолет кружит над ложиной, где стаю хищников отследили, а волков не видать. Вот только тут были, и нету... исчезли, как испарились. «Что? Как? Не может быть?!» А серые исхитрились, с башкой зарылись в снег – вот их и не углядеть с воздуха. Или того круче... схоронятся за деревом, встанут на задние лапы и к стволу прижмутся – вертолет на разворот, и они синхронно оборот вокруг облюбованной сосны иль лиственницы делают.

– Стриптизершам, баешь, на пятки наступают? – недоверчиво хмыкают слушатели. – Головастые, говорю, – обрывает смешки дед. – Сколь этих «новых русских», бандюгов по-нашенски, в погоне за коггистыми о каменные утесы разбились – лишь в милицейских сводках известно.

Но... никак уняться не хотели. Новую уловку придумали. Волчи логовища взялись зорить и малых щенят на открытой местности выкидывать. Мол, клыкастые мамы с папашами на выручку своих детенышей кинутся, их и прикончат – всех скопом... Ий-ий, держи карман шире! – дед Алексашка даже заерзал на сидении от избытка чувств. – Просчитались, голубчики.

Выдержал паузу, как опытный актер, умеющий привлечь внимание аудитории. Продолжил:

– Волки – родители отменные, всем известно. Но... прикинули: волчат не спасти... а если сами уцелеют, на будущий год у них новое потомство появится. Не полезли под пули.

Старик Романов до пенсионного возраста не вспоминал о своем шаманском происхождении. Но, как болячки одолели, за-

думался. Хвори – намек: оборотись к своему предназначению... не зря дед-шаман во сне является, да так укоряюще смотрит.

Взялся соорудить пирамиду – сродни египетской. Вычитал в каком-то журнале, что в этом нехитром сооружении время вспять оборачивается, и загорелся идеей соорудить собственный молодильный агрегат. Убеждал сородичей: – Штука, вам скажу, стоящая! Бритвы и те во внутренностях пирамиды затачиваются, а человеческий организм и вовсе от всяких там бляшек в сосудах, как от ржавчины, избавляется.

На все расспросы недоверчивых земляков загадочно отвечал:

– Наши предки в дома переселились, а недуги неизвестные их тела взялись подтачивать. Отчего – не задумывались? А-а-а! Прежде-то орочны в чумах жили. Их шалаши конусообразную форму имели, как и пирамиды, и концентрировали энергию Космоса. Вот где разгадка.

Неожиданно замолкает. В задумчивости тербит реденькую бородку и бормочет себе под нос:

– Болячек эвон сколь накопили. Без пирамиды не обойтись.

Лишь потеплело, нелятинцы увидели необычную картину. Романов, кряхтя, вкатывает на обрывистый берег Витима крупную каменную глыбу. Ноги у старика скользят, не находя опоры... и камень срывается вниз.

– Сизифов труд, дедуля, – подытоживает племянник Пашка, наблюдавший за ним со стороны села.

– Чегой-то? – простанывает дед. Пашка, без объяснений, приходит на помощь. Вдвоем им удастся вкатить наверх крупный окатыш, еще и еще один.

Но тут старика скрутило. В Муравьеде, хоть кожа да кости остались, а килограммов семьдесят наберется, для четырнадцатилетнего подростка тяжелоатомно показалось. Пашка еле сумел дотащить деда до деревянного домика, где хозяйничала местная фельдшерица, выпускница медицинского училища.

– У тебя, дедушка, ревматизм, – поставила диагноз.

– Ий-ий! И чему вас только там учат в городах? – рассердился

Алексашка. – Прострел у меня. Нагрей камень, да на поясницу мне кинь. Они живо из меня болезнь высосут.

Фельдшерница сделала по-своему. Оставила пациента в своем медпункте, неделю обкалывала поясницу новокаином. Поставила деда на ноги. Но все равно ворчал:

– Дурында, как есть – дурында. Всю шкуру мне продырявила... Одна надежда на пирамиду, там залатаю.

Но когда Муравьед вернулся в сестрин дом, он у нее в при-маках живет – своей семьи не создал, жильем не обзавелся – заметил, что его окатыши уже приспособлены в хозяйстве. Сестра соорудила каменку в баньке. И теперь приготовилась к отпору, воинственно уперла кулачки в боки.

Алексашка опешил от ее самоуправства. Но отмолчался, родственницы он побаивался. Тем более, гранит – вот он, под рукой, в скалах, высящихся по берегу Витима. Но как каменные глыбы поднять в воздух и перенести поближе к селению... Самому, без технических приспособлений? Разве инопланетяне придут на помощь, дадут подсказку.

Решил наладить связь с вземными цивилизациями. Опять чудит старик, отмахнулись нелятинцы. Но Муравьед соорудил антенну с наушниками, закрепил ее на своей голове. И в таком головном уборе поднимается в гольцы – слушать голоса Космоса. Ждет, что собратья по разуму дадут о себе знать.

Месяц прошел, другой... лето на исходе: сигналов нет. Видно, оборудование допотопное, оттого инопланетяне достучаться не могут, кручинится старик... В городе специальные радиотехнические магазины есть. Вот только деньжишек подкопить надо: начинка для аппарата космической связи – дорогущая.

Ну да скоро уже осень, успокаивает себя дед Романов. Он натаскает с таежных делян ягод брусники, продаст перекупщикам, – а они в ягодный сезон приплывают на моторных лодках, толпами пасутся у селения, – и рванет в город, к знакомым профессорам. Те обещались ему помочь достать нужные детали для радиомаяка.

Но до билетной кассы с выручкой не доходит, ноги сами собой сворачивают к сельмагу. Там его уже караулят друзья-субу-тыльники. И скоро от его таежного приработка не остается в кар-

манах ни копейки. А досада сердце гложет. И дед Алексашка гоняет свою пятидесятилетнюю сестру по единственной улице поселения с воплями: «Заела, с... а бесхвостая! Пенсию мою проедает. Жируешь за мой счет. А-а-а!..» Та знает, как спастись от опасного во хмелю брата – напрямик бежит к дому с вывеской «Милиция».

Дед Романов, хоть и пьян до бесчувственности, но упершись с разбега в могучую грудь стража порядка, быстро стихает. Сестра, спрятавшись за спину участкового милиционера, наконец парит:

– У-уу! Бесстыжий. А кто тебе теплое белье купил? Одни подштанники – не простые, с начесом! – пол пенсии съели... А кто на журнал с чертежами там разными подписку для тебя же оформил? Ты посчитай, посчитай, абаты кичи*, сколь на это ушло денег, еще и свои добавляю. – Всхлипывает: – С на-а-а-а-чесом!

Сестра за пенсией Муравьеда строгий учет ведет, копейки на сторону не выпустит. За ягодным барышом как уследишь?

Протрезвев, дед приходит в себя. Вздыхает:

– На следующий год непременно в город поеду.

Но история раз за разом повторяется.

А приезжие «профессора», собиратели разных побасенок, не только верят чудаковатому сельскому знахарю, но исследуют в лабораториях его снадобья. Иркутские ученые, например, выявили целебные свойства чаги, это такой нарост на стволе березы. Оказывается, чага отлично справляется с вредными бактериями. Чай из чаги усиливает иммунную защиту человека.

Царский однофамилец Романов доволен:

– Шаманский рецепт, от своего предка слышал.

Ободренный вниманием, пускается в воспоминания:

– Как-то мой Амикан неожиданно сорвался с места. Давнишний друг захворал. Зовет. Чую!.. Меня прихватил с собой. За трое суток мы добрались до стоянки старого оленщика. Успели вовремя. Женщины на стойбище уже свертывали олени шкуры, сни-

Абаты кичи (эвенк.) – ругательство: чертово отродье.

мали жердины – остов чума, готовились к перекочевке. При этом яростно почесывались, хотя слепней вокруг не видно было – зима ить, морозно. А хозяин чумовища и вовсе плох, по телу гнойные язвы расползлись...

Вдруг мой старикан огорченно хлопнул себя ладонью по лбу:

– Да что это я? Совсем ослеп, что ли? У них же – чесотка.

Амикан, дед-медведь иначе, помню, заставил орочелок распаковать нарты, снова установить на прежнем месте чум: нельзя было «везти» за собой болезнь в чистое место. Принялся лечить. У старинного приятеля высасывал гной из ран и тут же прижигал язвы березовой трухой... После, правда, полоскал себе рот настоеккой мухомора, чтобы болезнь к нему самому не прицепилась... Женщинам смазывал кожу на руках и теле специально приготовленной мазью из трав и медвежьего нутряного сала, а шкуры заставил выморозить на открытом воздухе.

Оленщик, помню, удивлялся:

– И как ты, паря, сдогадался прибежать ко мне? Только о тебе подумал.

– А-а-а? – значительно морщит лоб Муравьед. – Мой Амикан совсем не прост был, мысли на расстоянии трех кочевков умел слышать. Вот только... откуда у него было это знание?.. Тут, паря, крепко помозговать надо. Никак, пришельцы с иных планет на следили. – И опять осекает взглядом излишне любопытных.

У Муравьеда на счет космических гостей имеется своя гипотеза. Это был эксперимент по выживанию, уверен он. Марсиане опасались, что их собственную планету постигнет Вселенский катаклизм, и тогда, хочешь не хочешь, придется выживать в изменившемся, крайне суровом климате. Ну а Земля – удобный полигон для испытаний.

– Сомневаетесь? А вот орешек – не раскусить, – посмеивается Муравьед. – Откуда, спрашивается, собаки на нашей старушке-Земле появились? Волки одомашнились? Ий-ии, серые скорей околеют с голодухи, но нрав не поменяют, перед новоявленным хозяином хвостом крутить не станут... Тут иной переплет. Небесные разведчики памятку оставили землянам – в благодарность за

гостеприимство. Собаку. Биоробота, на самом деле. У лайки – заметьте! – отсутствует инстинкт самосохранения; псина жертвует собой, защищая своего владельца. А это, как ни кинь кости, противоречит законам Природы.

Всех исследователей без разбору – антропологов, фольклористов, геологов – жители северного селения величают «профессорами». А то и «профессорами». В этом не только уважение, но и скрытая ирония. Северянин, если хочет уколоть земляка, скажет:

– Чтой-то ты топором мимо чурки чиркаешь... ни дать, ни взять, профессор!

Муравьед тоже называет участников экспедиций «профессорами»: в гольцах они, за исключением геологов, бесполезны, в непогоду костер развести не могут. Но и ждет их приезда. Окруженный вниманием и диктофонами, дед переживает свой звездный час.

В зимние месяцы, когда поток любопытствующих исследователей северной старины скудеет, Романов пишет историю своего рода. Начал летопись с искоренения тунгусских шаманов. Старательно вывел в тетради-толстухе: «В тридцать седьмом году в наших краях, в Витимо-Олекминском эвенкийском округе, началась коллективизация. Орочоном, или оленным эвенкам, предложили согнать частных хоров, самцов, и важенок, самок, в общее колхозное стадо».

Отвлекается от записей:

– Почто сгонять олешек в одно стадо? Корму не хватит.. И серым хищникам раздолье. Как в такой сумятице за тарагайками, годовалыми телятами, уследить? Ий-ий, шибко худо начальники придумали.

Племянник Пашка рядом примостился. Заглядывает деду в рот. А тот и не собирается отмалчиваться:

– Шаманы различных родов, не думай плохо о них, не сидели сложа руки, пытались разгадать замыслы пришлых на Севере людей. Камлали под стук колотушек о бубны день и ночь. Сородичей успели – предостерегли: «Видения говорят, что всех нас ждут плохие времена». А дальше заглянуть в будущее не успели. Гэби-

сты собрали в племенах, кочующих вдоль Витима и его притоков Тунгира и Олекмы, тунгусских провидцев, и отправили их пешим ходом в сопровождении конвоя по таежной дороге в Могочу, где обещались «наставить на ум»... Вот только ни один из ведунов до пункта назначения не добрался.

– Дед, почему шаманы дали себя убить? – теребит Муравьеда Пашка, – Говоришь – провидцы. А о черном замысле супротив них самих и не сдогадались.

– Тьфу на тебя! – сердает Алексашка. Но, видно, и сам об этом думал. – Может, ведуны сами приняли решение перейти в иной мир.

– Как это? – опешил племянник.

– Старики сказывали, что охранники, гнавшие саманов на расправу, плохо кончили: кто за ночь поседел, кто и вовсе рассудка лишился...

Дед понизил голос, настороженно оглянувшись, словно боялся, что их разговор подслушивают:

– Конвоиры, как завечерело, на ночлег устроились. Своих узников цепями намертво прикрутили к стволам крепких лиственниц. Наутро – глядь, цепи тут как тут, а вместо шаманов лишь след от смолы, утекшей под землю.

– Мой старикан вот умел, к примеру, перерождаться в медведя – так считали сородичи. Сдается мне, бродит сейчас по тайге в лохматой шубе, да над службистами посмеивается, – умело уходит разговор в сторону.

...За окном послышался шум мотора подъезжающей машины. Романов привстал со скамейки, выглянул в окно. Так и есть: «профессора» не заставили себя долго ждать, собственными персонами пожаловали.

Вездеход подрулил к одетому в снежную шубу берегу Витима. Ребяшня и свободные от таежного промысла нелятинцы высыпали на взгорок встречать гостей.

Муравьед не спешит присоединиться к ним. Знает, исследователи старины не минуют его дом.

Ку-и, волчья отметина

Старики из племени ороchon, или оленоногих людей, еще помнят рассказы своих дедов о том, как волки опекали их далеких праотцев, ютившихся в каменных пещерах. Затем пришла вражда.

А было все так. В седой древности Луна, ночное светило, власть над Землей и ее обитателями имела немалую. Волки были ее слугителями.

Не то, что убить, подумать плохо о четвероногих хвостатых слугах Луны было нельзя – неминуемо приходило возмездие. Серые умели проникать в чужие мысли; могли менять облик, становясь при этом Авааси, злыми духами – от людей не отличить, но быстрыми и неуловимыми, как молния.

Волки до поры не трогали людей. Казалось, даже хотели приблизить к себе. Серые позволяли беспомощным перед враждебным миром двуногим поперечноглазым созданиям, лишенным даже собственной меховой шкуры, селиться у подножий гор неподалеку от своих логовищ. Показали, как сгонять в стадо согжоев, или диких оленей – так людское племя со временем сумело приручить этих животных и обзавестись меховыми накидками. Мало того, волчья стая помогала своим двуногим соседям добывать пропитание. Хвостатые загоняли лося или дикую козу до изнеможения и... отступали в сторону. Подоспевшие двуногие добытчики кольями добивали зверя. Подобно волкам, люди припадали к шее жертвы, прокусывали ее и пили горячую, еще дымящуюся кровь. И после могли с удвоенной силой продолжать охоту за дичью.

Луна, благодаря заступничеству волков, признала племя ороchon и стала посылать своим новым слугителям, оленным людям, пророческие сны и видения. Этот дар, или скорее проклятие, да-

вался, правда, не всем, а лишь детям, родившимся от брачного союза земной женщины и Авааси.

Но мало кому из собирателей миров удавалась долго сносить бремя ночных видений, силы их быстро таяли. Да и не мудрено. Им приходилось в сжатые сроки проживать множество чужих жизней, улетать в другие пугающие миры, мучиться чужими страхами.

Связующая нить между волками и людьми порвалась в один миг.

Вот как это было. Иэтэркэн, сын изменчивого, не водящего ни с кем дружбу Авааси и белозубой улыбчивой ороchonки, держал совет с Луной, а волки, земные пособники Луны, наблюдали за таинством. Шаман спрашивал удачи в охоте для своего людского племени.

Для этого была выбрана ночь полнолуния в месяц наступления холодов. Еще с вечера Иэтэркэн заколол ножом белого священного олененка. Волки из пещер, что по соседству с чумовищем ороchon, разорвали тушутугутки на части и полакомились мясом принесенной оленными людьми жертвой.

И вот, лишь серебристый диск Луны выплыл на ночное небо, на поляне запылала костры. Иэтэркэн вышел на свободное пространство и уселся на корточки, подражая в повадке волкам. Тень камлающего шамана напоминала силуэт громадного зверя, сияющего дотянуться до звезд. Неожиданно лицедей упал на четвереньки и захоркал, как это делают дикие олени. Хвостатые Учителя, внимательно наблюдавшие за происходящим со стороны, сдвинулись теснее. Но... не издали ни звука. Обычно волчья стая отвечала на представление дружным воем. А тут воздух, словно острым скребком, прорезала тишина.

– Надо запастись терпением, – успокоил сородичей шаман-полукровка.

Оленные люди, присутствовавшие при таинстве, не мешкая, натянули тетиву луков и пустили стрелы в тень изображаемого согжоя. Если удастся пронзить печенку у зверя-тени, это сулит удачу в предстоящей охоте.

Но что это? Внезапно задул резкий ветер. Летящие стрелы отнесло в сторону, они не достигли цели. А тень, отбрасываемую шаманом, разорвало на части. Голова, руки, ноги – по отдельности! – плясали в багровых, словно кровавых, языках пламени костров.

Среди ороchon слышались испуганные крики. Ветер стих внезапно, как и налетел. Иэтэркэн выпрямился, ощущал себя. Руки-ноги на месте, и голова – вот она, покоится на шее. Он решился продолжить камлание. Вновь опустился на четвереньки, залаял, как лиса. Оглянулся на стаю серых... Никакого отклика среди четвероногих покровителей и на этот раз... Может, для лис предстоит неурожайный год? Волки, наверняка, знают загодя... Шаман дрожащей рукой смахнул пот со лба и захрюкал, разгоняясь, тяжело захрипел, как разъяренный погоней кабан, – но хвостатые пособники Луны упорно молчали. Иэтэркэн не сдавался. Он напрягся, жилы на шее налились кровью. Из его разгоряченного горла вырвался трубный глас, точь-в-точь, рев изюбра, призывающего соперника на битву за самку.

Стая хищников всегда отвечала на этот прием дружным воем, приводящим в трепет все живое в окрестностях сакральной площадки в горных холмах... Нынешний ответ серых – глухое и, казалось, враждебное молчание. Лишь ворон, сорвавшись с ветки дерева, тяжело замахал крыльями.

Участники камлания застыли в ужасе. Хвостатые поводыри отшатнулись от них. Что теперь ждет людское племя? Голод?.. Они в холодном поту ждали слов шамана.

Полукровка сбросил свое одеяние. Бледный, с мутными глазами, он поднялся на ноги. Глухо проронил: – Двуное племя ороchon чем-то обидело волков, они не хотят больше помогать нам.

– А-а-ах! – ороchonы от страха клацали зубами и чуть слышно шевелили губами: – Но кто расчленил твою тень? Авааси? Это – мечь?

Иэтэркэн не ответил. Лишь стиснул зубы. Пробормотал:

– Я должен, должен дознаться...

И уже совсем тихо добавил:

– Решено. Я вступлю в сговор с Луной, пусть ее Невидимые и могущественные обитатели укажут мне виновника.

– А-а-ах! – отшатнулись сородичи.

После тех слов шаман поднялся на вершину самой высокой горы Кодарского хребта, пики которой пряталась за облаками. Там, наедине с орлами, он должен накопить внутренние силы для вещего сна. Взял с собой запас воды, а от пищи отказался:

– Еда замутняет сознание.

Когда Луна сделала полный оборот на небе, смотритель снов спустился наконец с гор в стойбище. Ороконы, завидев Иэтэркэна, покинули свои островерхие чумы, покрытые оленьими шкурами. Но что это? Прежде кряжистый и могучий, он словно истаял, поседел, как лунь.

Не поднимая глаз, седой старец сказал:

– Я видел, как наяву: потоки человечесьей крови наполнят до краев озеро, и кровавые воды зальют все вокруг... Среди вас обьавится тот, кто позарится на волчьи шкуры. Авааси рассчитаются с обидчиком. Не оставят в живых и его семья.

Соплеменники Иэтэркэна ждали неминуемой беды. Но дни летели, словно резвые зайцы, и время текло, как обычно. Мужчины охотились. Женщины рожали детей, шили меховую одежду. Старики курили у костров трубки, набитые сушеным мухомором, учили уму-разуму внуков... Много поколений сменилось с тех пор – пальцев на обеих руках и ногах не хватит, чтобы сосчитать. Ничто не предвещало беды. И люди успокоились. Да и Луна с тех пор отдалилась от Земли, а сила волков заметно убыла.

Но поднять руку на четвероногих хищников ороконы все же не решались: это – табу. Обегали волчьи пещеры далеко стороной. Если серые загрызали ослабевших домашних оленей, уходили прочь со словами: «Бык или важенка сами виноваты. Зачем отстали от стада?» Волчьих щенков не трогали. Иначе хищники в отместку порешат приплод домашних оленей.

Однажды на крупном чумовище ороchon произошло нечто, удивившее всех. Бесталаннй охотник Ку-и принес в свой чум из фактории плитку черного байхового чая и несколько головок сахара.

В его чуме редко лакомились свежениной, разве сородичи поделятся частью добычи. А тут... такой улов!

И... повод утереть нос соперницам. Жена не утерпела, наведалась к соседкам:

– Гляньте, чем муженек меня балует: сладкую белую соль и заморский чай в обмен на добытые звериные шкуры в фактории

якутов раздобыл. У ваших-то простодыр, небось, таких вкусностей сроду не водилось.

Ку-и в сердцах поколотил болтливую жену. Но перестал таяться от сородичей. Чего уж теперь? Пропадал несколько дней и опять вернулся с обновками. На этот раз принес новый жестяной котел и чашки.

– Таких в стойбище ни у кого нет, – хвастливо объявила жена проныры.

– Ка! Ка! – удивленно качали головами орочны. – Если удача нашла зверолова на охотничьей тропе, отчего лабаз, хранилище промысловика, по-прежнему пуст?

Ку-и на охоту и в самом деле не бегал. Зачем трудить ноги? Он с легкостью обменивал у сородичей невиданные в стойбище диковины – бисер и атласные ленты – на соболиные и беличьи шкурки, этот-то товар в фактории был в ходу. И богател день ото дня.

Со временем он покрыл свой чум новыми оленьими шкурами. Жену в меха нарядил. Себе справил рубашку из шкуры молодого олененка, обшитую по вороту горностаевым мехом. Первым богатеем в стойбище заделался. Девчонку, сироту Лапсыи, в работницы взял – она все женские работы в чуме выполняла. Стадо оленей приобрел. Но сам животин не пас и тут работников нанял.

Но сородичи замечали за Ку-и странности: из фактории он всегда возвращался кружным путем, словно сбивал с толку преследователей.

Однажды причина открылась.

Молодые орочны добыли много белки и тоже решились проложить тропку в факторию. А там уже был их богатей, раскладывал на прилавке... волчьи шкуры. Но не взрослых особей, а... годовалых, еще не заматеревших волчат. Увидев сородичей, меняла быстренько запихал свой товар в сумку и выскочил наружу.

– Ой-е-ей! – запричитали старики, как от зубной боли, узнав о случившемся. – Волки потомство растят. Знать, на волчье логово, поганец, набег совершает.

Отправили опытного следопыта проследить путь добытчика волчьих шкур.

Сородич нашел поляну, где Ку-и свежевал волчьи туши. Обнаружил там... мотки проволоки на обрубленных лапах волчат. От догадки его пот прошиб: «Вот оно как!»

Ку-и наведывался в волчье логово в отсутствие только ощенившейся волчицы, стягивал проволокой передние и задние лапы у щенков. И... уходил. Теперь время работало на него. Волчата подрастали, наливались соками, Но бегать со связанными лапами не могли. Спустя год хитрец вновь отправлялся в волчью нору – за легкой добычей.

– Ка! Ка! Ка! Горе нам, горе! – запричитали старики. – Авааси сочтутся со всеми нами, отомстят за волчьих детенышей.

Ку-и храбрился, делал вид, что ему все нипочем. Как-то под вечер велел жене позвать сородичей. Вскоре в чуме набилось много гостей, ждали, что снова начнется мена посуды, бисера и атласных лент на шкурки белок. Но богачей достал из-за пазухи недавно народившегося волчонка, еще слепого, дрожащего всем телом. Заявил: – Ни у кого такой забавы нет. А у моей дочери Ачэмсары будет.

Воровать у волков детеныша? Поступок разорителя волчьих логовищ вызвал возмущенный ропот... И только. Вслух осадить безумца никто не решился. Это сулило смельчаку остаться без припасов еды. Многие орочны после стычки с Ку-и находили свои петли и силки порванными, лыжи или нарты сломанными, а собак – с перебитым хребтом.

А пока силки починишь и новые лыжи соорудишь, хорошая погода уйдет, снег глубокий выпадет, или гололед наступит... и срок охоты минует. Голод тогда сам заставит охотника заглянуть в чум слюнтяя. Ку-и никогда не отказывает соседу в помощи. Наоборот, забивает оленя из своего стада. Даже поблажку делает: «Должок в удачную пору отдашь». Только долг не уменьшается, а растет от чего-то, хоть охотник всю свою добычу богатею приносит.

...Волчонок остался в чуме разорителя волчьих пещер. Но Ачэмсаре, четырнадцатилетней дочке хозяина, забава быстро наскучила. Не ласковым звереныш оказался, норовил девчонку острыми клыками тяпнуть. Она с ревом кидалась к отцу, и тот с силой пинал щенка, пока у того глаза не покрывались мутной плен-

кой. Приказывал дочери: «Не корми это волчье отродье, глядишь, поумнеет. Поймет, из чьих рук пищу ест».

Лишь Лапсый, сирота, жалела пленника. Прикладывала целебные травы к его ранам, своей скудной пищей с ним делилась. А когда хозяйева засыпали, обнимала щенка за шею, ласковые слова шептала. Подолгу засматривалась в косящие волчьи зрачки. Ей казалось: золотистые искорки водят в них хоровод, затягивают ее в свою круговерть, глубже, глубже... На сердце у девочки становилось и жутко, и весело.

А волчонок тем временем подрос. Уже и ласки утешительницы его из столбняка не выводят. Не ест, не пьет. Уставится в одну точку и так сидит часами. «Зов родного племени чует», – перешептывались старики.

– Отпусти ты щенка подобру-поздорову, – советовали меняле.

Да где там! Богатей – ни в какую, что лбом в сосну уперся, свое гнет:

– За шкуру этого волчары мне в фактории новый жестяной котел да плитку черного чая в придачу отвалят.

Ухмылялся, пиная ногой под ребра затравленного волчонка:

– Недолго тебе зубы скалить, зверюга, осталось.

Лапсый решила спасти своего любимца. Ночью, улучив момент, когда обитатели хозяйского чума крепко спали, она перерезала ремни и выпустила узника на волю.

Ку-и крепко поколотил служанку. Бил ее палкой и приговаривал:

– Ка! Ка! Теперь спать еще меньше будешь, за волка должок отработаешь.

Вскоре собрался в погоню, задумал выставить удавки близ стойбища:

– Клыкастый не мог далеко уйти! – Долго мастерил петли, прочнее обычных.

Но вечером в чум не вернулся, не пришел и к утру. Жена отправила на его поиски работников. Они привели слюнтяя окровавленного, под руки. Ку-и, выплевывал зубы и мычал от боли. Наконец сородичи разобрали:

– А-а-а... Авааси!

Орочоны поняли из рассказа Ку-и, что волчонок-выкормыш поджидал богатея. Из тощего, дрожащего на морозе заморыша вдруг превратился... в громадного белого волка. Грозного, клыкастого. Кинулся на своего обидчика, когтями выдрал глаза, избородил лицо.

Жизнь у Ку-и с тех пор пошла незавидная. Без глаз как в волчье логово за легкой добычей наведаешься? Пришлось забыть о запретном промысле. В чуме женщины, его жена и дочь, стали хозяйничать. Да хозяйки из них никудышные оказались. Все чаще они стали укладываться на ночлег с пустым желудком.

Ку-и крутился у чужих очагов, когда вкус съестного чуял. Иногда из жалости охотники кидали ему мясную кость. И он с жадностью набрасывался на еду. Но как-то ввязался в драку за объедки с собаками, и те в свалке придавили его на смерть. Сородичи даже не прикоснулись к буче, покойнику. Оставили лежать на снегу. Ку-и заслужил такую кончину, без похорон.

Ночью у стойбища послышался волчий вой. Смельчаки выглянули из своих чумов наружу. Руки, ноги, окровавленные чело-вечьи останки мелькали в волчьей стае, пока хищники не обглодали кости покойника дочиста. Самые древние старики невольно вспомнили предание о проклятии волков. Вот оно! Свершилось. В предании, правда, упоминалось, что озеро выйдет из берегов от потоков крови. Сбегали поутру к водоему. Нет, все спокойно – озеро, как обычно, покрыто серебристым льдом. И успокоились. Эво! Может, нгимаканы-сказители что-то напутали?

...Ачэмсара, дочь менялы, тем временем подросла. И, хоть и была в покойного отца не в меру жадна, а в мать – хвастлива, это не отпугивало женихов. Ее зубы, белые, как кости оленя, пропеченные летним зноем, и волосы, черные и блестящие, словно вороново крыло, вскружили голову не одному парню. Они только ждали наступления осени – чтобы посвататься. А тихая, молчаливая работница Лапсый оставалась незамеченной. По многолетней привычке, ходила, опустив голову вниз. Стеснялась своей протертой рубахи, дырявой обуви – сменной одежды у нее не было. Но

Алхаллалай, праздник благодарения Солнца за его летние дары, первый в ее жизни, не смогла пропустить. Для молодых девушек это – смотрины. И уж как сердечко ее билось от тайного ожидания!

Мать Ачэмсары, оказалось, не все добро проела. Сберегла для смотрин дочери рубашку, сшитую из тонкой кожи снежного барана, ненадеванные кожаные чулки. Дочка примерила новый наряд, волосы украсила бисерной повязкой. Покрутилась перед матерью. Та проворчала: «Да хороша, ступай уж!» И впрямь, у Ачэмсары и минутки не было передохнуть на празднике – парни наперегонки тянули ее в круг, танцевать. Лапсый же стояла в стороне. За всю длинную августовскую ночь никто ее на танец не пригласил.

Настал день состязаний. Померяться силами собрались энгэси, богатыри из ближних и дальних стойбищ, прибыли даже силачи из Якутии. И везде – в прыжках в длину, в переходе по жердочке через бешено ревущий горный ручей, в беге с камнями, привязанными к икрам ног – не было равных заезжему парню с легкой поступью и раскосыми желтыми глазами. Олени в его упряжке так несли, что казалось, за ними гонятся волки. На его стрелу, пущенную из лука, оказались нанизанными сразу несколько уток, круживших над озером. А в охоте на рысь желтоглазый богатырь опередил всех соперников – метнулся ей прямо на спину и зубами перегрыз шею зверя. Предпочтение девушек было явно отдано смелому и ловкому гостю, а чаще других в его стороны бросала взоры из-под ресниц красавица Ачэмсара, и щеки ее загорались румянцем. Несколько раз девушка ловила на себе ответный, словно изучающий взгляд незнакомца. И была уверена в своей победе над ним.

Но вот солнце закатилось за синие скалы, в долине запылали костры, и парни стали выбирать себе пару для танца осоры. А кое-кто и дальше заглядывал: подыскивал спутницу для совместной жизни. В хороводе, тесно прижавшись, парню с девкой легко зов тел учуять и столкнуться.

Ачэмсара изогнула тонкий стан, потупила взгляд, замерла в ожидании. Но желтоглазый энгэси, победитель состязаний, растолкал толпу и повел в хоровод не ее, а служанку Лапсый! Эту чер-

нушку, ходившую у нее в работницах, донашивавшую ее одежду. Красавица от злости даже губу себе до крови прикусила. А смелый охотник танцевал со своей избранницей ночь напролет. Наутро посватал ее, принес за невесту бывшей хозяйке, вдове Куил, богатый выкуп – шкурки соболя и горностая. И увез с собой сироту Лапсый в свое стойбище на озеро Чиндэкэлэк. Красное, или кровавое, как его называли.

Странное это было место. Вода в озере постоянно казалась красной. То ли от красноватых водорослей на дне водоема, то ли от того, что берег Чиндэкэлэка был излюбленным местом пиршества волков. На тропе к водопою нередко можно было видеть туши согжоев с перерезанным волчьими клыками горлом или задавленных косуль. Их кровь смачивала песок, просачивалась в воду.

Желтоглазый богатырь поселился в пещере неподалеку от жуткого озера. Дно жилища устелил мягкими шкурами. Еды всегда было вдосталь, да и нарядами молодайка могла душу потешить – охотник меха соболя, куницы и горностая приносил ей целыми охапками. Вот только Лапсый скучала. Днем все женщины нового племени были заняты по хозяйству, а ей муж не позволял делать тяжелые работы. Как стемнеет, строго-настрога наказал не покидать пещеру. И в этом был неумолим. Сам же часто отлучался в ночную пору. На охоту. Возвращался, как всегда, с богатой добычей, взбудораженный. И долго еще нервно вздрагивал, глаза его дико косили. Лишь на коленях ужены успокаивался. Женщине, когда она заглядывала в глаза энгэси, казалось, что ее затягивает водоворот желтых искр, на сердце становилось и жутко, и весело. Когда-то с ней уже было такое. Лапсый старалось вспомнить забытое. Казалось, вот-вот раскрутит нить воспоминаний... Нет, тщетно. Все в тумане.

А одиночество и отлучки мужа делали свое дело. Она скучала, худела, все чаще плакала, оставаясь одна. Смелый охотник, заметив в очередной раз у нее мокрые глаза, предложил:

– Позови к себе подружку погостить. Глядишь, развеешься.

Ачэмсара не заставила себя долго ждать. Вертявая бабенка в унтах, шитых бисером, и кухлянке, подбитой мехом соболя, вскоре появилась в пещере желтоглазого богатыря. Да не одна.

Мужа с собой прихватила. Он был из якутов, владел большим оленьим стадом. Ачэмсара хотела показать, что она вновь не бьет по марям ноги, ездит верхом на ороне и помыкает работниками. Да еще нарядами из мягких шкур тарагаек, недавно народившихся оленят, собиралась сразить выбившуюся в хозяйки служанку. Но, увидев ворох богатых мехов, устилавших пещеру, померачнела от зависти, осунулась на глазах. Стала пилить мужа:

– Не охотник ты, сразу видно. Горностая за весь сезон не добыл. Шкуры красной лисы я так и не допросилась. И вот результат, последней оборванкой перед своей работницей выгляжу.

– Ка! Ка! Горе мне! Горе! – зарыдала она, заламывая руки.

Топнула на мужа ногой:

– Вызнай охотничьи тропы хозяина пещеры, проследи за ним. Иначе знать тебя не хочу.

Тому делать нечего. Ночью бедолага отправился, крадучись, следом за энгэси. Да, видно, не поостерегся. Нашли его утром на волчьей тропе с перегрызенным горлом.

Ачэмсара долго не горевала. Ее зависть глодала, как огонь в костре сухие сучья. Решилась сама вызвать секреты удачливого охотника, приютившего ее.

Ночью, убедившись, что ненавистная соперница спит, Ачэмсара прокралась на пустынный берег озера, спряталась за поваленной лесиной. Отсюда все тропинки, ведущие в тайгу, видны, как на ладони. Ждала час-другой. Да ненароком задремала. Проснулась от волчьего рыка и громкого хруста костей на их зубах. Хищники на песчаном берегу озера клыками рвали лосиную тушу. У Ачэмсары волосы на голове от ужаса встали дыбом. Трясаясь от страха, она постаралась поглубже зарыться в песок.

Лапсый проснулась под утро, не нашла в пещере подругу. Испугалась за нее: слава о здешних местах ходит недобрая. Женщина помнила наказ мужа не покидать жилище в ночную пору, но постаралась успокоить себя тем, что желтоглазый богатырь не узнает об ее отлучке. Охотник никогда до рассвета не появлялся в пещере, она успеет вернуться незамеченной.

Молодая женщина бежала со всех ног к озеру, когда лучи солнца сверкнули на красной, как кровь, воде, осветили лицо ее

мужа, пирующего в волчьей стае. Солнце безжалостно высветило и прячущуюся под корневищем поваленной бурей сосны Ачэмсару. Волки метнулись к ней, впились клыками в горло... За минуту все было кончено.

Энгэси стоял в стороне. С упреком смотрел на Лапсый:

– Не должна была ты этого видеть.

Горько вздохнул:

– Я тот волчонок, которого ты выходила, спасла от побоев. Я полюбил тебя. Поэтому принял человеческий облик.

Добавил упавшим голосом:

– Но ты нарушила слово, данное мне. И лишила меня сил существовать в ином облики. Мы больше не сможем быть вместе.

Превратился в рослого белого волка и, не оглядываясь, затрусил вслед за насытившейся волчьей стаей.

И только тут Лапсый все вспомнила! Несчастливая женщина поняла, что не в силах удержать хоровод желтых искр, плясавший в глазах ее мужа. Но только этим она и жила. Женщина зажмурилась, застыла в оцепенении, малейшее движение отзывалось нестерпимой болью в груди.

Открыла глаза. Уже вечер. Искры в закатных бликах солнца, казалось, бежали по песку к воде, искрились на поверхности озера. И гасли. Искры всегда тянули ее вглубь, в пугающую черноту. Вот он спасительный исход!

Лапсый вошла в воды Чиндэкэлэка. Брела все глубже, глубже. Вода покрыла ей колени, грудь, а потом и вовсе сомкнулась над головой.

...Волчья стая с тех пор покинула эти края. Но иногда, в полнолуние, на берег озера Чиндэкэлэк приходит громадный белый волк. И тогда далеко окрест разносится его тоскливый вой.

Содержание

5

О себе

7

Встреча с шатамаром

12

Гирка

21

Ёсик просчитался

27

Солнце в чуме

42

Улинчина тропа

49

Зловещая находка

63

Подсказки Сихиртя

77

Внук шамана

87

Ку-и, волчья отметина

Нина Коледнева
(Нина Васильевна Беломестнова)

НУТЭПЭНМЫН НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Рассказы

Редактор:
Павел Жданов

Оригинал-макет:
Андрей Осипов

Верстка, корректура:
Алексей Гарипов

Книга издана на средства Департамента образования,
культуры и спорта Чукотского автономного округа, направленные
на публикацию произведений победителей XII открытого Конкурса
литераторов на соискание литературной премии им. Ю. С. Рытхэу

Подписано в печать 20.10.2018. Формат 150×210 мм
Гарнитура PT Sans
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Издательство «Охотник»
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402
Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,
эл. почта: oxotnik@online.magadan.su
info@hunterpress.ru
www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск ул. Брюллова, 6а